

37898296

تورکمنستانى اوگره نیش

تورکمنستان مەركەزى ایجرائیه تامتەتى یانیندا، لکە تاویجنى
اوگره نیش قامسە تىنک آید ابرکەزەك چیقاریان

جورنالى

1-й экз.

1

СЕНТЯБРЬ 1927.

АШХАБАД

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КОМИТЕТА

ПРИ ТУРКМЕНИКЕ

ТҮРКМЭНОВЕДЕНИЕ

неслужащих русских значительная доля приходится на жен офицеров и чин вников, что превышает до половины число членов этой категории землевладельцев. Незначительный процент домовладельцев — армян объясняется тем, что они в большинстве ехали сюда для торговли, оставляя семьи на родине и числясь нухинскими, шушинскими, зангезурскими жителями. (д. № 5353).

1 января 1888 г. ознаменовано в Асхабаде появлением на улице полицейских чинов: пристава и базарных полицейских, на содержание которых отпущено из городских сумм 43-0 р. (д. № 6876). Казначейство, очевидно, прекратило свое существование и обзавелось собственным домом, так как на ремонт его было истрчено 321 р. (д. № 9826).

По городскому хозяйству следует отметить следующее: Для помещения приезжающих с продуктами на базар из аулов на базарной площади был построен каменный сарай и два отхожих места. Городской сад разросся настолько, что возник вопрос о сдаче в аренду тотен, винограда и куряги, но так как никто на торги не явился, урожай был сдан сторожу сада за 10 р. Городские суммы к 1 января 1887 г. возрасли до 6628 р 50 к., из которых уездный начальник получил заимообразно 2000 р. на постройку дома (д. № 21776). Цены на жизненные продукты в течение года на хлеб росли непрерывно, дойдя от 3 до 4 к за фунт, с мясом, достигшим в феврале, марте и апреле высшей точки в 10 к. а фунт, приняты были меры, сразу понизившие их до 7—8 коп в летние месяцы и только с октября начался сезонный рост их до 8-9 к. (д. № 218-5). Рост населения вызвал необходимость упорядочения порядка убоя скота, в виду чего совещание при начальнике уезда вошло с представлением об устройстве скотобойни; ежедневный убой скота достиг 20 голов крупного скота и 40 голов мелкого, ежедневный в течение зимы до 200 свиней. Скотобойня была устроена в 3-й части города за полотном железной дороги и состояла из ям для отбросов при убое, канавы из Кешинского ручья и козел для бешанья туш. Архива их принесла 1220 р. в год (д. № 21847).

19 марта 1888 г. состоялось в д. Успенского по Зульфгарской улице собрание жителей города, составившее приговор о желании учредить общественное собрание. 13 апреля в. и. о.

нач. области разрешил, впредь до утверждения устава, собираться в намеченном для клуба помещении. Утверждение устава состоялось 31 мая 1900 г.—это был типичный провинциальный клуб для игры в карты и выпивки; членами его не могли быть женщины, несовершеннолетние учащиеся и нижние воинские чины; для удовлетворения культурных потребностей предусматривалась библиотека, спектакли, лекции, но это было только привеском.

1889 г. не оставил по себе архивных документов; жизнь тянулась по инерции, так как стал известно, что начальник области ген. Комаров переводится в Россию и придется изменяться и принаравливаться к новому начальству. Если в истории вообще личностей — фактор не высшей цены, то в истории такого захолустья, каким был Асхабад, все строилось по личности. Перту эту подметил увековечил в своей „Истории города Глупова“ еще Салтыков разделивший эту историю по градоначальникам. Удививший Зааспийский градоначальник принадлежал к типу патриархальных вельмож, получивших первый закал еще в кадетском корпусе времен Николая I, и держась в пределах законности, когда дело шло о власти имущих, он не считал себя связанным по отношению к гражданам 2 разбора. В 1884 г. явились в Асхабад Мервские ханы и старшины с изъявлением верноподданнических чувств; Комаров вызвал фотографа Торонцова и распорядился снять фотографии как с отдельных гостей, так и со всей их группы; фотографии были сняты, Комарову понравились и были отправлены в Петербург, но, когда фотограф представил счет в 57 р., то Комаров деньги заплатил, но в 7 часов выслал фотографа из Асхабада, как еврея. (д. № 20281).

Столь же патриархально отнесся он к драгоценному историческому памятнику Холму в Анау, через который он велел проложить траншею сверху до низу; чем поверг в немалое изумление археолога Пампелли, предпринявшего впоследствии правильную научную раскопку этого холма, сохранившего в своих недрах неценные археологические сокровища, несмотря на варварство Комарова. Асхабад ждал нового хозяина, а этот хозяин, по слухам, был человек образованный, знающий край, и все затихло в ожидании; «вот приедет барин — барин нас рассудит». (Продолжение следует).

Гони Бек

(Рассказ туркмена о битве с русскими под Геок-Тепе)

Записал С. М. Овезбаев.

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая предлагаемую статью, считаем долгом оговориться: кажущаяся непоследовательность, не полное совпадение в описании событий с хронологией, значительное место отводимое описанию вылазки — оставлены в неприкосновенном виде, чтобы не лишить рассказ того аромата непосредственных переживаний, который свойственен рассказчику-туркмену, не забывшему кровавых дней 1880—81 годов.

Аман Ага, Аман Гельды Гони, Гони Бек был в своем роде единственный и лучший образ туркмена времен „туркменчики“. Он происходил из рода Сычмаз, колена Араб. Был первым советником и правой рукой Нур Верды Хана. Его мнение, его суждение было голосом народа и тогдашней общественности. Без его участия не было ни одного большого „маслахата“. Он был лучшим „саяндаром“, создателем современной туркменской музыки. Сыграть на „дутаре“ так, как играл в свое время Гони Бек — и в наши дни считается лучшим исполнением.

1) Совет.

2) Музыкант, играющий на дутаре.

3) Двуструнная балалайка.

Данный рассказ является небольшим отрывком из целой серии легенд, воспоминаний, сказаний и преданий, живущих в туркменском народе, к систематической записи которых приступил С. М. Овезбаев. Рассказ образно рисует последние печальные дни туркменской вольницы, подавлявшейся торжествующей силой царского империализма. Здесь же и тень британского льва беспокоящегося за свое владычество.

Был страстный любитель „чилима“. 4) В сопровождении нескольких уважаемых лиц стариков под главенством Нур Верды Хана 5) разезжал он из копа в конце Ахала 6) и, останавливаясь почти в каждом ауле, разбирали недоразумения между аулами, примиряли кровников, собирали мнение масс по различного рода общественным и политическим явлениям. В частной жизни Гони Бек был скромный, бедный. Обаяние, приветливость, ровное ко всем отношение делали его центром всеобщего уважения и внимания. В его кибитке было всегда полно народу: друзья

4) Кальян.

5) Текинский вожь. Рода Тохтамыш, Векиль, Юсуп, Кара-Юрме.

6) Район от Кызыл-Арвата до Гяурса.

из ближайших и отдаленных аулов они жили у него по несколько дней. В его кибитке существовал особый обычай: кто первый уснет или проголодается — считался опозоренным. Конечно и там спали и ели, но суть заключалась в том, чтобы эти вещи проделывались всеми одновременно. Приезжие из разных концов обменивались сведениями общего и частного характера. О себе Гони Бек говорил, что в молодости он занимался „огурликом“⁷⁾ в Персии. Однажды, когда удалось благополучно перебраться за горный массив, все с той же воровской целью, ему пришла в голову мысль — „а что если буду ранен, искалечена рука? Что буду делать всю остальную жизнь, лишенный возможности играть на любимой дутаре, единственном развлечении, единственном собеседнике?“ Не найдя ответа, он решил воровское дело бросить и бросил навсегда, возвратясь с полпути. Начавши свою жизненную карьеру с воровства — Гони кончил ее на честном, прямом — гони пути, умерев героем и праведником в числе многочисленных защитников Геок Тепе. За необходимым для гостей и посетителей фуражем, мукой, баранами — он посылал первого попавшегося к любому из состоятельных лиц все необходимое появлялось как из собственного склада и запаса. Никому не приходила в голову мысль об отказе или уплате — считалось как-то естественным и вполне нормальным передать незамедлительно все необходимое для Гони Бека. Бесчисленные друзья и почитатели по своей инициативе доставляли необходимые вещи. Так, в центре всеобщей симпатии, внимания и уважения текла жизнь этого замечательного человека, признанного „Баш-Тутана“⁸⁾ всех народных собраний, совещаний — этого бескорыстного выразителя общественного мнения и скорби. Вот некоторые черты его стойкого характера. С Керим-Берды Ишаном, Нур Верды Ханом и другими видными деятелями тогдашнего времени мы, в числе несколько сот человек, собрались в ауле Гяурс. Были слухи о готовящемся нападении персов на этот район, почему и собрались чтобы предупредить повторение „Неаса“⁹⁾. Вся эта масса народу жила в ауле, разделившись на группы. Было очищено особое место, где Керим Берды Ишан и Хан в сообществе большого числа молящихся, собирались и совершали „намаз“¹⁰⁾. Бесчисленные ряды молящихся, совершенно утихая во время „намаза“, заполняли после того веселым разговором сборное место или чинно слушали речи „аксакалов“¹¹⁾. Нужно сказать, что Керим Берды Ишан совершил верховное паломничество в Мекку, возвратясь из него через 6 месяцев. Как ишан, как Халджи¹²⁾, как праведный человек вообще, он пользовался огромным авторитетом и уважением. Когда мы после „Икинды“¹³⁾ сидели вольно на своих местах в ожидании „Ахшам“¹⁴⁾ намаза — я сидел левее Гони, в переднем ряду, Керим Берды Ишан поговорив о том, о сем, сказал, что Гони Бек безупречный человек во всех отношениях, но имеет единственный недостаток — страсть к курению; что если бы у него не было этого недостатка его можно было бы признать совершенным человеком; что он, Керим Берды Ишан почел бы своей большой заслугой, если бы сумел уговорить его отказаться от этой вредной страсти и это „благое дело“ закрепил бы добрым крепком „пала“¹⁵⁾. На эту фразу обратили внимание все присутствующие. В это время Нур Верды Хан обычным зычным голосом ответил; „Гони Бек курение бросит, если это Вы просите „Тахсир“¹⁶⁾; и мы присоединяемся к вашей просьбе. Давай „Тахсир“ „пату“! „Подыми руки народ“! Вся масса собравшихся во главе с Ишаном и Ханом подняли руки. Только один Гони сидел бледный, неподвижный и с опущенными

7) Воровство.

8) Возглавляющий.

9) В 25 в. от Баи С., откуда жители целиком были уведены в Персию в качестве заложников правителем Вуджнурда Хайдир Кули Ханом в 1869 году.

10) Молитва.

11) „Белобородых“, стариков.

12) Совершивший паломничество в святые места.

13) Последняя перед закатом молитва.

14) Первая после заката молитва.

15) Влагословление.

16) Форма почтительного обращения, как бы поддерживающее высшее положение собеседника.

руками. „Подыми руки, прими „пату“ Халджи Ишана!“ Раздались голоса с разных сторон. „Подыми руки!“ зычно проговорил Хан. Гони сидел неподвижно. „Согласись!“ произнес умоляющим голосом Ишан. Все было напрасно. Из неловкого положения вывел присутствовавших некто Мухом. „Давай Ишан Ага эту „пату“ мне, вот я брошу курить“! — казал он. несколько выдвинувшись вперед „Пата“ Ишана и массы присутствовавших была дана Мухому и этим исчерпан нелепый инцидент. Ни авторитет Ишана, Хана, ни массы присутствовавших не поколебали Гони. На другой день, в объяснение своего поведения, он сказал: „Не могу я бросить курить... если бы мог — бросил бы прежде всего для себя. Согласиться, приняв „пату“ чтобы ее нарушить в самом непродолжительном времени — мне не пристало, мне не по силе... Я отказался дать нетвердое обещание, несмотря на тяжесть и неприятность положения. Да Нур Верды Хана я сердиться не могу, хотя его поступок был слишком мне тягостен“. Такую же твердость он проявил после ссоры с Курбан Мурад Ишаном¹⁷⁾, когда последний после отъезда Нур Верды Хана в Мерв попытался стать Ханом Ахала. Его провозглашение Ханом фактически состоялось, и он был переименован в Султан Санджар (ази¹⁸⁾). Эта затея кончилась кровопролитием между аулами Тильки и Канджик. Курбан Мурад Ишан после неудачной попытки чувствовал тягость общественного порицания и просил того же Керим Берды Ишана устроить примирение его с Гони Бек. Последний в присутствии массы народа, самого Курбан Мурад Ишана, заявил: „я Курбан Мураду руки не подам и видеть его не желаю как в этом, так и в том мире. Всякие уговоры — напрасны“. Протянутые руки Курбан Мурад Ишана повисли в воздухе. „Я прошу, протяни руки для меня, для присутствующих“ — сказал Керим Берды Ишан. — „Ни для кого в мире я не примирюсь с вредным человеком, ставшим причиной пролития невинной крови между мусульманами. Он не только не Ишан, он и не человек“. Дальнейшие уговоры ни к чему не привели. В борьбе с русскими, где принимало участие все население — мужчины и женщины — Гони Бек был вечным вдохновителем на ратный подвиг защитников крепости.

В цепи непрерывной борьбы, к которой мы вели из поколения в поколение с соседями — борьба с русскими была самая тяжелая, кровопролитная, упорная. Под стенами, в крепости, в пути отступления, при защите, падении крепости и за три дня после взятия — пало свыше 15.000 человек. Погибло все наше имущество. Плененные женщины с детьми, просто дети пошли по миру, по рукам победителей и использовавших наше бедствие враждебных соседей. Силы оказались слишком неравными. Участь побежденных была всем и каждому известна. 12-го января, холодный зимний день был последним днем нашего свободного существования и могилой „туркменчилика“. С этого кошмарного дня начинается новая жизнь, растущая на развалинах всего нашего старого уклада. Сознание всей трагичности „новой“ — взнузданной жизни, созидание неизбежных размеров бедствия от поражения, неисчислимости материальных и моральных затрат — было движущей силой, вдохновляющей защитников на подвиги высокого героизма, самопожертвования, „самоубийства“. Конечно, самоубийств наших дней — не было. Нужно сказать, что соотношение сил и неизбежность нашего печального конца ясно обозначился еще за долго до рокового дня. И все-таки защиту крепости продолжали упорно Английский представитель¹⁹⁾ — лицо говорившее их именем — обещал помощь оружием. Эта помощь так и не пришла до самого конца. Роковые дни приближались... Все больше и больше проникало сознание, что „павшие обогнали живых“, что они свою миссию выполнили и потому спокойны, счастливы... умереть бы... Не видеть всего этого ужаса... позора... унижений. Чувство животного страха притуплялось и бойцы на вылазки шли и шли без боязни через трупы павших товарищей. „Умереть лучше, чем жить“ заполнило сознание массы от мала до велика.

17) Тохтамыш, векиль, канджик. Видный деятель своего времени

18) Минувших времен.

19) О'Доннван.

В такой обстановке, как сегодня, воскресают в памяти отдельные моменты и штрихи. Помню ясный, солнечный день. Я оправился от раны, но еще она не зажила окончательно. В крепость попадали ружейные пули, изредка гранаты. Дети бегали и собирали пули — отцы в свободное время переливали их в круглые шарики для „хирлы“²⁰). Для некоторых детей это занятие кончилось смертью — тем не менее собирать было нужно и сбор — сильное детское дело — продолжался. Русские близко придвинулись к крепостной стене. По суете и разговорам окружающих была ясна опасность вражеского проникновения. Я вышел из „тюма“²¹) наружу. Кто с „кычечем“²²), кто с ножом, кто с палкой, к концу которой был привязан „киркилык“²³) — шли, бежали по направлению к тылу. Все, у кого были ружья и пистолеты, были давно там и стреляли. Провожая каждого добрым пожеланием, я смотрел на мрачные лица всех и каждого. Впереди, в шагах 80-ти шла по направлению ко мне старуха, несшая на боку кучу свежеспеченного „чурека“²⁴). Она шла не обращая внимания на окружающее и визги пуль. Я был поглощен целиком проводами и напутствиями проходивших, пробежавших. Когда я вновь взглянул в направлении старухи она лежала мертвой, полуприкрыв телом кучу „чурека“, заливтую ее горячей кровью. Проходившие и пробежавшие приостанавливались у ее трупа. Присев на корточки, отломив кусочек окровавленного хлеба, и, положив его в рот они продолжали движение, приговаривая: „пошли и нам, Господи, такую же легкую смерть“. Целыми возвращались немногие большинство раненые, искалеченные. Часть находила вечный покой и избавлялась от непосильно-тягостных ожиданий, переживаний и позора. То там, то сям виднелись женщины, доставлявшие на спинах воду для стрелков или разыскивавшие среди доставленных трупов близких.

В эти же дни, (лично я не видел, но слышал от очевидцев), Кара-Батыр не помню рода и племени — пал сраженный вражеской пулей. Вдали виднелась цепь русских окопов. Правее и в стороне стояла группа конных казаков. Шла редкая перестрелка. Среди защитников, стрелков, редко о вечавших на стрельбу противника, были разговоры — предположения о действиях русских. Говорили об удачной вылазке прошлой ночи, захваченных трофеях. Упоминали одного конного, разевших до гола, попал ночью к противнику и, незаметно прокравшись к часовому, одним ударом сабли его убил и благополучно вернулся в крепость с его безданкой. Говорили о каких то трех, которые также пошли ночью, обошли расположение окопов и в тылу убили 2-х офицеров и 3-х солдат всех спящими. Вернулись благополучно с двумя револьверами, тремя винтовками и с сапогами. Что двое убитых офицеров — определяли по револьверам и палатке, где их убили. Эти удачи объяснялись „бахтом“²⁵) прежде всего и храбростью смельчаков. Вспоминали тут же, что попавшей в „тюм“ гранатой убило четверых у самой Денгиль-Тепе²⁶). „Когда „Аджал“²⁷) догонит — найдет где угодно. Когда его время не наступило — везде и при всяких обстоятельствах останешься невредимым“, сказал один из пожилых „мергенов“²⁸). Божий „аманат“²⁹) будет взят только в нужную минуту и только по Его воле закончил он. — „А если я его „аманат“ понесу и положу перед ним, не возьмет что ли?“ (просил Кара Батыр — „Этого сделать нельзя“ ответил первый „это не во власти человека“. — „А вот я сегодня и сейчас ему вручу его „аманат“. Хочет он или нет — я отдам“. С этими словами он ушел в крепость и возвратился через непродолжительное время верхом на лошади. В руке, пригибая, держал пику. Проехав через южные ворота, он подехал вдоль стены к сидевшим и лежавшим товарищам. „Смо-

трите“ сказал он — „я сейчас еду, чтобы Богу вернуть Его „аманат“ — хочет или нет — я ему вручу“. Под ним был прекрасный гнедой жеребец. Пригнувшись к седлу, он стрелой умчался в направлении конных казаков. Оставшиеся с любопытством смотрели за ним. В русских окопах участилась стрельба. Казаки продолжали стоять группой. Кара Батыр доскакал и в миг сшиб двух. Издаче не видно было всех действий, но замешательство было большое: несколько казаков было сшиблено, кое кто удирали вскачь. Кара Батыр повернул к крепости. Стрельба по нему усилилась. Ровным галопом он приблизился к стене на расстоянии возможных переговоров. В этом месте он повалился с лошади: он был смертельно поражен вражеской пулей. Восхищенные его подвигом товарищи были неожиданно огорчены и должны были подбирать останки. „Он свое слово сдержал и стал „шехидом“³⁰), сказал один из несших. „Его аджал нагнал“ сказал старый Мерген, тоже помогавший переносу и ведший коня. Минутно уныние прошло и на лицах не было печали. Ведь он, Кара Батыр „избавился“ от тягот бесконечных дней и ночей! Много было таких и подобных подвигов — самоубийств.

Слепой на оба глаза Кор Бахши³¹), певец тоже побегал в направлении шума и крика в день падения крепости. Очень скоро, несчастный понял бессмысленность своего бегства: он спотыкался о трупы, о раненых, о кочки и падал. „Пропоей последнюю песнь страны и народа“ — С этими словами он сел на землю, вынул из чехла дутару и затянул во все горло и силу. Его песня была оборвана смертью от рук победителей. Среди оглушительных звуков пальбы, пожара, криков ужаса, стонов раненых, плача женщин и детей, гула и топота — песнь Кор Бахши была душе-раздирающим воплем и причитанием трагическому концу вольного и задористого Туркменчилика.

Ознание безвыходности положения, овладевшее всеми, отражено в стихотворении некоего Губо Шахира (будет помещено в следующем №).

Аман Гельди Гони являлся везде и всегда.

При первом наступлении русских крепость еще не была кончена. Все семьи в кибитках, „чатмах“³²), тюмах были собраны внутри оград. Атаки русских отбивались за крепостной стеной. Оставлялись на ночь сильные караулы, поочередные, как по очередно были вылазки по ночам. В крепости то у одного, то у другого собирались аксакалы и, сообщая, обсуждали необходимые мероприятия. Было решено, между прочим, перевести единственную пушку, отнятую нами у персов около Кара-Кала из Анау, в Геок-Тепе. Анау всегда считался нашим слабым местом; — персов мы оттуда изгнали недавно. Изгнанные жители многократно хатайствовали перед своим Ханом о назначении карательной экспедиции и обратном отобрании Анау. Пушка, там нами установленная, служила целям предупреждения ближайших аулов об опасности. По выстрелу, не дожидаясь, все должны были вооружиться и идти на выручку, разослав гонцов в ближайшие аулы. По одной тревоге, сделанной на второй год после нашего захвата Анау туда собралось около восьми тысяч всадников. Вот эту самую пушку было решено перевезти в Геок-Тепе. Было постановлено также воспретить повышение цен на порох, хранение лишнего оружия, обязательную сдачу разбитых кунганов и казанов Абулле Усте, кузнецу для отливки ядер для пушки. Было решено так же принести всенародную присягу на верность родине и безотступной защите ее от нашествия „неверных“ русских. Из Бухары, Хивы доходили вести, одобряющие наши решения. На большом совещании, перед открытием военных действий, Хан Мамед Аталык (Сычмаз) и Ораз Мамед Хан (Бек) высказались против войны, обосновывая свое мнение неравенством сил, отсутствием у туркмен оружия и непосильной тяжестью неизбежных потрясений, неотвратимых при данном соотношении сил и средств. Они предлагали их уполномочить на ведение переговоров, а народу перевезти семьи в пески и ждать результатов перегово-

³⁰) Погибший за веру, обреченный райским житием.

³¹) Известный слепой певец, большой популярности, из Кепеле.

³²) Поэт.

³³) Жилье из согнутых жердей, покрытое камышами.

²⁰) Нарезное ружье.

²¹) Землянка.

²²) Кривая азиатская сабля.

²³) Ножницы для стрижки овец.

²⁴) Лепешки хлеба.

²⁵) Счастье.

²⁶) урган У С.-З. угла крепости.

²⁷) Олицетворение смерти.

²⁸) Стрелок, охотник.

²⁹) Душа, жизнь как временное состояние.

воров. В случае безуспешности — войну вести небольшими партиями. Препост по их мнению возводить было не нужно, так как это дело и скопище облегчат задачи завоевателей. Они просили к ним прижать 40 человек, уполномоченных. Против их мнения высказалось подавляющее большинство. — Они говорили: русские — исконные враги Ислама, совместная жизнь с ними невозможна, страна куплена слишком дорогой ценой безконечного кровопролития, мы окружены тайными и явными врагами, идти отсюда некуда. Мы сидим на своей земле — русских не трогаем, ничего общего с ними не имеем — что им от нас нужно? Наконец, в мире, кроме России, есть другие державы — Англия, Турция, Франция, Китай — не позволят же они русским делать что угодно. Мы должны построить крепость, обратиться за помощью ко всем сородичам и соседям. В крепости, в защите своей страны, своих семей, мы должны до последнего умереть, но не позволить себя „внуздать“. Земля наша имеет право на защиту и жертвы. Все трусы, малодушные колеблющиеся, соглашатели и противники войны — защитники изменники народу, стране и делу мусульманства. Наконец, туркмены не трусливые „таты“ Бухары и Хивы, чтобы бежать от врага. Несколько лет тому назад прибывшие из Мекки с Ходжи Ишаном (Керим Берды) арабы и турки также говорили о необходимости безотступной борьбы с русскими в интересах самосохранения и защиты общего дела Ислама. Русские и в старое время пытались неоднократно проникнуть. После истребления их отрядов, они уходили к себе и в данном случае — если мы проявим упорство и твердость — русские уйдут; если вступить в переговоры и проявлять признаки слабости, нерешительности — они останутся навсегда, привезут своих и нас лишат всего. Что будем делать тогда? Англичане обещают помочь оружием. Если не собирать семьи — туркмены драться не будут. Наконец, семьи пусть гибнут вместе с нами — после нас они все равно будут добычей. Быть в подданстве им дело знакомое. Даже единовластный народ и его государь (Хорезм), от которых мы только что избавились, — тяжесть, поборы и унижение. А русские? Говорят они вырезали пол-Кавказа с Имамом во главе. Мусульмане должны были бежать в Рум (Турция). Английский падишах³⁴), говорят, очень не любит русских. Таковы были речи сторонников войны, подавляющей массы народа.

„Я русских не люблю“, сказал Аталык: „их я видел в Хиве. Ведь я участвовал в войне хивинцев с русскими. Я не против родины и веры. Мне больно за нашу участь, участь семей. Больше говорить не буду с вами умру, если это нужно“. Негодующие взгляды и восклицания в толпе не располагали Аталыка к длинным речам.

Вслед выступил Ораз Мамед Хан — „Страны и народы“ — начал он — „защищаются пушками и винтовками, а не присягами. Присяга, клятвы, клятвенные преступления разрушают страну, а не сохраняют. Я не вижу никакой необходимости обрекать себя, страну, наших детей и жен на ужасные страдания. Русские — не персы и „таты“, которых мы разбивали, не считая числа. Если вы сегодня хотите противостоять русским глиняным самодельным валом — то будет вашим последним узором на земле. Лабильный должен быть покладливый. Свинью нужно гладить по шерsti, а не против. Все наше добро и все мы сами погибнем, если последуем желанию глупой толпы и безрассудных голов. Я прошу меня уполномочить на ведение переговоров. Данной присяги я не приму и всех от этого предостерегаю!“ — „Сколько получил от русских?“ — „Кто твои сообщники?“ — „Когда отрекся от веры?“ — „Изменник!“ — „Предатель!“ — „Истребление русских начать с Аталыка и Ораз Мамеда!“ — раздались грозные восклицания из толпы. В голосах чувствовалась нота крайнего возмущения, негодования с элементами близкого экстаза и самосуда.

Выступившие затем аксакалы толпу успокоили заверениями в безупречности советов предшествовавших ораторов, их готовности защиты родины. Признали полезность предусмотрительности и осторожности. Призывали всех к спокойствию, рассудитель-

ности и такту, обеспечивающему каждому, а особенно таким уважаемым лицам, как Ораз Мамед Хан и Аталык, возможность свободного выражения своего мнения и суждения. Иначе не может быть „масла в огонь“. И так как имелись резко-противоположные мысли по существу данного вопроса, аксакалы решения не приняли, а вопрос передали на решение самого народа с обязательством воли большинства для меньшинства. Многотысячная сходка, перед которой были изложены все мнения по данному вопросу, почти единогласно остановилась на войне. Тут же было постановлено: в отношении отдельных лиц аксакалов, смущающих свои аулы и роды, самые эти аулы подвергнуть репрессиям „талангу“³⁵ — Аул Беурма, из которого происходил Тырма Сердар, связавшийся с русскими властями — подвергнуть разграблению, семьи целиком перевезти в Геок Тепе. Подвергнуть разрушению кибитку Чульба Бая, аула Иши. Было перечислено много лиц сомнительного отношения и поведения. Однако, разрушать кибитки не пришлось, так как после разгрома аула Беурма специальным отрядом в 1000 всадников, колеблющиеся присоединились к большинству и стали перебираться в Геок Тепе. После этих событий вопрос о всенародной присяге решился сам собой. В массах настаивали, чтобы первыми приняли присягу Ораз Мамед Хан и Хан Мамед Аталык. Самая присяга заключалась в следующем: перед Керим Берды Ишаном, стоявшим в группе других ишанов, мулл и аксакалов, был положен огромный рукописный Коран. Присягавшие должны были пройти между ними просто или прикоснувшись обоими руками к Корану — новести ими по лицу. Несметная толпа выкрикала имена: „Ораз Мамед!“, „Аталык!“. Уступая настояниям, эти лица должны были идти первыми — „Глупый ты народ!“ — сказал Ораз Мамед — „Не по глупости своей, а по глупости твоей я приму эту присягу и здесь умру. Сумеешь и ты умереть, если не хочешь себе добра!“ С этими словами он прошел. — „Я вам докажу“, — сказал бедный Аталык, — „что Аталык не трус. Неверны — не мы, а те, которые глупых „верных“ направляют на глупо неверный путь. Иду!“ Многотысячная толпа чинно и в порядке прошла через роковую черту, отделявшую нас от ужасов последующих событий.

Разнесся слух — значительно позже описанных событий, что Тырма Сердар со сподвижниками перебежал из русского стана к нам. В объяснение своего поведения, Тырма Сердар заявил, что он к русским пошел для изучения их планов, сил. Ныне он считает это законченным, почм пленение его и семей Беурминцев плодом недоразумения. Он со всеми его слушавшими — готов лечь костью вместе со всем народом. Объяснение было признано основательным и прекращен бойкот. По его же словам проводниками русских отрядов являются два туркмена — иомуда — Муса Хан и Мулла Дундгор. Он, Тырма Сердар договорился с Муса Ханом, который будет информировать о планах русских отрядов. „Ежели кому он встретится, надлежит стрелять в него, но не бить. Мулла Дундгор оделся в „халат неверных“, искренне служит русским. Его уничтожить обязательно и во что бы то ни было“. Сообщение Тырма Сердара было принято к сведению. Дальнейшими действиями Сердар вполне оправдал себя.

Русские между тем приближались. Разрозненные действия наших небольших конных отрядов были с переменными успехами, однако, существенного ущерба наносить не могли. Из крепости уже виднелись передовые части подходивших русских сил. Решительная схватка была впереди. Боязни не было; еще не сталкивались массами и потому не представляли себе действительности. Мы только два раза видели русских. В первый раз по приглашению Бухарского Эмира мы были в числе тысячи всадников в бою под Катта-Курганом. С началом переговоров Эмира Музафара с русскими властями о заключении мира, мы вернулись домой. Во второй раз мы напали на высадившийся на сушу русский отряд под Узун-Ада, русские от нас спаслись бегством на свои суда. Народ в массах русских не видал и не

³⁴) Царь.

³⁵) Совет.

³⁶) Разграбление.

представлял. В крепости многие говорили бахвалю — „режет ли русских сабля?“ Сколько у них голов? Сколько „душ“ имеет каждый русский? Уже побывавшие в делах и знавшие русских молча посматривали на неопытных товарищей. Редкие из них отговаривались фразой — „это вы сами увидите“, „скоро увидите“. Берды Мурат Хан (старший сын Нур Верды Хана) в шелковом халте и с голой саблей в руке обходил все районы крепости, как и переловые цепи стрелков. — „Приближается торжественный день Ахала“ говорил он — „надо встретить и отпраздновать его, как мы неоднократно в прошлом праздновали. Бог с нами. При победе нас ожидает слава, при смерти — рай. Всем нужно с радостной улыбкой, с остро-отточенной саблей устремляться на врага и уподобиться тиграм. Мужайтесь. Отступления нет, как и пощады. Нет лучшего дня для смерти, чем сегодня и в эти дни и в тот день!“

Решительные дни приближались... Помню ясное утро. В одном из „айманов“³⁷ сидел Гони Бек в окружении нескольких аксакалов и друзей. Он сказал, что минувшей ночью видел сон. Он, Гони Бек на белом, шустром ослике ехал резво в направлении на юго-восток. Впереди чернел „теляр“.³⁸ Ослик налетел сходу на этот „теляр“,... ослик продолжал свой путь, а он, Гони Бек свалился... — „Кто разгадает этот сон?“ обратился он к присутствующим. Все молчали. Тогда он обратился к одному из ближайших друзей к некому Х—Х и попросил разъяснить смысл сна. „Если хочешь“ — ответил тот — „могу“... — „Очень прошу“ оживился Гони Бек. — „На этот раз русские нас не одолеют“ — начал Х—Х — „но ты Гони Бек будешь убит“. — „Ияхи-Амин“³⁹ трижды сказал Гони Бек, поглажив бороду. — „Ты разъясни сон по частям“ обратился он — „Этот маленький шустрый ослик — это мы“ ответил Х—Х — „ты избранный и певец, живое воплощение нашей жизни, едешь седоком. „Теляр“, на который налетел ослик с тобой — это русские, идущие и стоящие на нашем пути. Самый налет ослика — предстоящее решительное столкновение. Из того, что ослик продолжает путь, видно, что это препятствие мы одолеем. А что ты остаешься... это ясно: значит нам дальнейший путь предстоит делать без тебя“ закончил Х—Х. — „Ияхи-Амин“ еще раз сотворил Гони Бек и также погладил бороду. Окружающие остались недовольны таким толкованием сна — разве можно было в такие дни говорить такие вещи? За то довольным остался сам Гони Бек. — „Лучшего и более верного толкования нет, быть не может и я бы не хотел“ сказал он.

Прошло три четыре дня. Все говорило за то, что русские вот-вот грянут на крепость. Было решено предупредить их. Условились броситься на рассвете всей массой, оставив незначительное число людей в крепости на случай, если русские неожиданно появились бы с беззащитной стороны. С вечера и всю ночь шли нервные приготовления. Кто точил саблю, кто закреплял „кыркылык“ и тоже точил, кто нож, кто наскоро отливал пулю, кто готовил порох. К рассвету, во рву за крепостной стеной не было места — было битком набито бойцами. По условленному знаку, с криком „Алла“ все должно было ринуться на врага. Все нервно ожидали. Было еще темно, хотя веяло утренней прохладой... Пронзительный свист наконец раздался. — „Ал-л-л-а! Ал-л-л-а! Ал-л-л-а! Ал-л-л-а!“ вырвалось из тысячи грудей. Ночная жуть и тишина заполнилась бесчисленным криком, о ласившем отдаления... Черная масса, босая, с засученными рукавами и штанами, черной лавиной устремилась в сторону русских, во мрак ночи, в неизвестную тьму или в тьму неизвестности. Протяжные, групповые, беспрерывные „Ал-л-л-а“ скоро дополнились резкими звуками пальбы. Длинная линия вражеских окопов мгновенно озарилась светом стрельбы из винтовок и мигралась. Стрельба была частая и беспорядочная. Пушки молчали. Сругом падали сходу бойцы. То бессловесное падение, то с „ох“

и „ах“, то протяжно ноя, то вскрикивая падали, падали и падали. Кто? Как? Куда? Ранен? Убит? — разобрать было невозможно. Целые бежали. Задние спотыкались о трупы раненых, тоже падали, вставали и продолжали бег. В пути пало много. Почти ни одна пуля не проходила без какого-нибудь результата — бежали слишком густой, широкой и глубокой массой. В беге и падении пораженных ряды олегчали. Кое-где стрельба прекратилась и слышны были вскрики людей, лязг оружия, ругань, крики, перекрики — там наши добежали и рубили. Скоро по всей линии прекратилась стрельба и всюду раздавались туркменские крики, изредка дополняемые непонятными криками русских. Стрелки в окопах были частью перебиты, частью бежали, побросав оружие. За вышедшими гнались. Подавляющее большинство завязло в окопах, разыскивая оружие патроны и разувая убитых. Стоны раненых здесь, в тылу, впереди кучи убитых — русских, туркмен, крики, суматоха — все вместе составляло ужасную картину, прикрытую мраком последнего остатка ночи. Отдельные фигуры шмыгали туда и сюда, а некоторые в крепость. Где то вдали был слышен шум тревоги в русском лагере и непонятные крики. Через некоторое время опять началась стрельба с русской стороны, впрочем ненадоевшая большого урона.

Стало светать. Рассвело. Русские, оставив редкую цепь стрелков, далеко отодвинулись назад — передвинулись темными. Из наших — большинство вернулось в крепость: кто уносил добытое оружие, кто убитых, кто раненых, а кто просто без причины. Кругом и в окопах валялись убитые русские солдаты: кто с разбитой головой, с распоротым животом, кто без руки, в различных позах и почти все раздетые. Масса валялась убитых туркмен, тоже в различных позах: кто ничком, весь вытянувшись, кто на спине. Всюду видны были следы крови. Часть наших трупов была ночью унесена в крепость, а часть, и то большая, еще продолжала валяться. В некоторых лежащих были еще признаки жизни. Перенос трупов и раненых продолжался. (Скоро поле совершенно очистилось. В окопы стали прибывать кучами и в одиночку мергены. У некоторых в руках были берданы, добыча, переданная смельчаком сыну, брату или близкому. У большинства были „хирлы“. Там и сям из крепости выезжали группы наших всадников и направлялись с разных сторон к неприятельскому расположению. Вдали были видны и группы конных казаков. Началась стрельба из пушек. Часть снарядов падала в крепости или около, а часть у окопов. Было заметно большое передвижение. Конные группы наши гонялись за казаками и удирали, когда налетали на ружейную пальбу пеших стрелков. Возвратившаяся в полдень группа конных, рассказав как она гнала, казаков с одним туркменом во главе, передала клочек бумаги якобы ими брошенной при бегстве. Нужно сказать, что русские частенько подбрасывали разные бумажки, где предлагалось не драться, а изъяснить покорность. Бумаги эти заканчивались угрозами. Нашли где то грамотного человека. Оказалось письмо было от Муса Хана, предупреждавшего, что на сегодня русские решили повести решительное наступление, почему рекомендовалось быть в готовности. Содержание письма было передано по всей крепости и группам мергенов за крепостной стеной. Так как погребение „шехидов“ было облегченное без омовения и в одеждах — скоро не осталось ни одного трупа. Бесчисленные раненые стонали в тюрьмах и кибитках, предоставленные заботам женой и близких. Главным врачом было состояние организма способного или неспособного вынести такое ранение легкое или тяжелое, пулевое или штыковое. Утешались и надеялись: если суждено — умрет, если нет — то выживет. Докарсив повод к выздоровлению, если время смерти не наступило и бесполезно, если истекает предопределенный срок жизни. Стрельба из пушек и винтовок усилилась. Большие передвижения в алии, усиление цепи стрелков впереди подтверждали предупреждение Муса Хана. Было решено всех мергенов вывести из крепости в наиболее удобные места по избранию самих мергенов. Возвращавшиеся конные тоже подтверждали русские приготовления.

Наступило время всяких ожиданий. Возвращавшиеся со стрелковых позиций — доставлявшие туда воду и провиант — гово-

³⁷ Ограда.

³⁸ Хворостяная будка для временного (сезонного) жилья сторожей.

³⁹ Да: исполнится так о, Воже!

рили о необычайной силе русского огня, от которого среди мергенов были значительные потери. Го орили о необходимости подкреплений, так как русские проявляют признаки активности передвижкой своих цепей к нам. Так как пули наших мергенов их не достают, то они передвигаются свободно. Отдельные из них падают пораженные пулями наших берданок очень небольшого числа. Охотники и желающие—группами и по одиночке направлялись в избранные ими районы. В крепости оставались лишь бойцы с холодным оружием. И их честь была признана необходимой в оврагах и ложбинах за стеной,—на случай, если потребуется помощь стрелкам. Наскоро мы стали тащить нашу единственную пушку на курган Денгиль Тепе. Абулла Уста, отливший несколько десятков снарядов готовился к стрельбе. В большом числе и с любопытством мы взобрались на курган посмотреть стрельбу. Приготовившись и прицелившись, Абулла выпалил. С разных сторон раздался крики „Джаан. Джан“! ⁴⁰⁾ Густой дым из жерла окутал все. Когда он рассеялся, Абулла стал готовиться ко второму выстрелу. Тот же грохот, тот же дым, те же крики радости. Русские, увидев большую кучу народа на кургане дали несколько выстрелов по нас из пушек. Разрывы были так близки от нас что пришлось разойтись. Один Абулла пытался и дальше стрелять, но из линий мергенов прислали человека с просьбой не стрелять, так как снаряды едва, едва перелетают их головы, что „от них есть опасность своим. Русским никакого ущерба не наносят“. Даже видно было ясно при полете можно даже уклониться от него. Наша пушечная пальба, от которой мы так много ожидали на этом кончилось. Долго еще эта пушка торчала на кургане без призора.

С передовых линий мергенов приходили вести одна мрачнее другой. Говорили о больших потерях, явном приближении больших русских сил и ясных признаках резкого изменения положения. Стрельба как ружейная, так и пушечная к полудню дошли до крайних пределов. Между линией мергенов и крепостью видны были трупы наших, достигнутых вражеской пулей во время подхода или ухода с позиций. Женщины, дети и старики только зывали Аллаха—„Ислама Кууат“, ⁴¹⁾ „я худаи“ ⁴²⁾ и т. д. Некоторые из женщин с привязанным к спине „мешком“ („бурдюк для воды“) или „торбой“ ⁴³⁾ хлеба быстро бежали из крепости в окопы. Пуля не падала и их. А некоторые благополучно возвращались обратно. После полудня резко усилилась пушечная стрельба и несколько сократилась ружейная. Неожиданно „Ура-а-а“, Ура а-а-а“! огласило воздух. Русские бросились в штыки. Наши из рвов и ложбин бросились с криком „Алла-аа...“ Ура и Алла слились в один общий гул, дополняемый разрывами гранат. Ока наши добежали—русские перебили значительное число мергенов и овладели окопами. Часть мергенов побежала в крепость. Русские открыли с близкого расстояния по густой массе наших убийственный огонь. Те же Алла и ура продолжали заполнять воздух. Наши ряды таяли. Когда слились наши атакующие и бегущие с позиций мергены произошло смятение. Часть продолжала бежать на русских часть как бы приостановилась. Среди атакующих был и Гони Бек. Русские, заметив смятение, выскочили из окопов и бросились навстречу. Алла... Ура... Алла... Ура... В открытом поле, среди дня бились русские и туркмены. Одни рубили, другие кололи, там стреляли—лязг, стук, шум, грохот, вскрики, стоны, кровь, трупы одних и других—туркмен больше, беготня... Число русских росло—быстро подходили сзади свежие силы. Ружейная и пушечная стрельба дошли до крайних пределов, казалось мир весь наполнился ужасным гулом. В рядах наших чувствовалось смятение—русские как бы бодрелись. Отдельные лица из наших побежали назад. Крики русских становились мощнее. Число бегущих в крепость росло. Русские подкрепления слились с передними. Через короткий срок все побежало в крепость: впереди, остав-

ляя там сям падающих—туркмены, сзади ободренные успехом русские в близком от бегущих расстоянии. Теперь было слышно только „Ура“... Все русское, со всех мест и дистанций побежало в крепость. Наша победь была неизбежна. Никакие крики отдельных лиц, аксакалов не могли повернуть бегущей толпы. Победа русских была явная.

Поле было усеяно трупами, лежавшими в разных позах: вдали русско-туркменскими, а по мере приближения к стенам—одними туркменскими. Уже близка была крепость. Казалось русские войдут вместе с нашими. В крепости суматоха была большая. „Для чего вы нас сюда собрали“?! „Зачем вы носите шапки и бороды“?! „Труссы“—раздавались крики женщин в масках пришедших в необычайное волнение.—„Спрячьтесь за нами“!—кричали другие, размахивая сорванными с голов платками. Многие из женщин побежали навстречу бегущим. Приближался последний момент. В крепости смешались передние из бегущих с бывшими там. Суматоха была не описуемая. Крики, плач, растерянная беготня, плач детей... Вот, вот...—„Юр, юр. Алла, ааа, хайда, дурма... Алла...“ Зачастии крики и неожиданно побежала масса народу навстречу бегущим своим и русским. Волны бегущих назад и вперед слились, масса туркмен возросла... Минутное колебание... Крики женщин... размахивавших платками. Алла-а-а-а, Ура а, Алла-а-а-а... Все побежало вновь на русских. Сила натиска число побежавших были так велики, что масса совершенно затопила, растворила в себе русских. Большинство их было перебито, незначительная часть побежала назад. Теперь бег был в обратном направлении и в обратном порядке—впереди русские, сзади туркмены. Число бегущих русских возрастало, так как к ним присоединялось бежавшее на подмогу подкрепление. Мощно раздавалось Алла, жидко Ура, а через короткое время ура не слышно было вовсе. Через трупы туркмен, трупы русских и туркмен, трупы только русских—масса людей бежала одна преследуя, другие спасаясь. Пальба из пушек прекратилась. Там сям появились наши конные группы, догонявшие русских. Попытки казаков противостать—были безуспешны. В рядах русских расстройство было полное. Наша победа была явная. Число русских трупов возрастало. На плечах бегущих можно было истребить всех. Вдали, снявшись с позиций, уходила артиллерия. Из остатков русские пытались создать опору в виде цепи стрелков. Из числа наших, некоторые отставали, подбирая брошенные русскими оружие и патроны. День близился к закату. Утомление было чрезвычайное. Число преследующих уменьшалось до сотен, десятков. Стало темнеть. Преследование прекратилось. Стрельбы не было вовсе. В полумраке видны были группы сидящих, шагом возвращавшихся, рыскавших в поле, шаривших русские трупы. Там и сям были слышны стоны раненых. В поле появились и женщины, разскидывавшие трупы близких поздравлявшие живых. Слышен был зов и перекличка. Черными массами двигались отдельные группы к крепости, подбирая по дороге трупы раненых. Хождение по полю не прекращалось всю ночь. В то время как бойцы возвращались в крепость, из крепости выходили женщины и остававшиеся за розыском своих и для подбора трупов. К утру уже не было в поле наших, за исключением оставшихся где нибудь в яме или под грудой русских тел. Валялись всюду убитые солдаты.

Ночь прошла в ожидании. Только на утро, когда получены были сведения, что русские с остатками сил уходят, радость победы вступила в свои права. Взаимные поздравления, радость, боль по многочисленным жертвам все смешались и переплелось среди защитников. Конные группы отправились с раннего утра за „олджо“ ⁴⁴⁾ в сторону отступавших русских. В тот же день было получено новое сведение все от того же Муса Хана: русские решили уйти окончательно. В связи с этим известием, из крепости выехали новые группы конных охотников вдогонку уходившим. В действиях они были предоставлены самим себе—лишь бы наносили ущерб русским. Гони Бек, как

⁴⁰⁾ Выражение радости, исходящей от „души“.

⁴¹⁾ Пожелание успехов Исламу.

⁴²⁾ Дай Боже

⁴³⁾ Небольшой мешок.

⁴⁴⁾ Добыча.

выяснилось потом из слов оставшихся в живых, был без оружия в группе первой побежавшей на подмогу мергенам. В переломный момент. Когда персве русских обозначился. Он взывал к упорству, твердости, когда туркмены побежали и уговоры к возврату оказались тщетными. Гони Бек с фразой — „как враг проникнет в крепость и коснется нечистыми руками наших семей — я не увижу“ — остановился, сделал „Теим“, ⁴⁵⁾ повернулся „кыбла“ ⁴⁶⁾ и сел на колени. В этой позе, с пригнутым к земле лбом, на том самом месте лежал его труп, когда мы погнали разбитых русских. Бедняге показалось наше дело проигранным окончательно, почему он не захотел быть очевидцем последней и самой ужасной развязки проникновения русских в крепость. Было решено его похоронить на этом же месте, что и было сделано. Сон его и данный смысл оправдались целиком.

Число убитых „шехидов“ было велико, как и раненых. Победа нам досталась слишком дорогой ценой. В числе павших были: Берды Мурад Хан (похоронен на гребне Денгиль Тепе), Хан Верды Сердар, сын Тыкма Сердара. Имен всех не перечислить — все они умерли за дело защиты родины, веры и семей. Смерть Гони Бека, лучший показатель его характера и убеждений туркменчилика. С его смертью и нашей победой мы вступили в новую полосу, день этот был последним днем нашего вольного и самодовольного существования. Дальше начинается трагическое новое. На второй, третий день было решено отразиться большой конной силой добивать врага. Мелкие отряды кое-что отбивали из русского транспорта, вступали в мелкие стычки с казаками, несли потери наносили незначительный урон. Русские привели остатки сил в рядок и в таком виде уходили со всеми мерами осторожности. Около полутора тысяч верховых выступило вдогонку. И этим силам не удалось нанести русским существенного урона, кроме отбития транспорта, уничтожения небольших групп оторвавшихся казаков. Не теряя из виду и вселяя тревогу русским, отряд „проводил“ отступавших до Кизил-Арвата. Русские пошли дальше. Дальнейшее преследование было прекращено. Отдельные маленькие группы смельчаков пошли и дальше. В одной из стычек с казаками близ Кизил-Арвата — попал в плен с несколькими казаками и их проводник-туркмен Мулла Дунгдор. Казаки были убиты на месте, а Дунгдор был доставлен в Кизил-Арват. Когда его опознали, было решено для него „ад создать в этом мире“. В огромном „тамдыре“ ⁴⁷⁾ был разведен огонь и Мулла Дунгдор опущен туда вниз головой. Так с жглы изменника веры, продавшегося русским и предавшего своих. Отряды возвратились в крепость. Было приступлено к окончанию стен в высоту и толщину. Стали прибывать из песков новые семьи. Из раненых выздоравливали и умирали. Из Мерва возвратился Нур Верды Хан, там болевший во все время нашей страды. Он выразил большую радость по поводу смерти Берды Мурада Хана. — Для меня был бы большой позор, если в этот трудный для всех день, от меня не было бы жертвы. Смерть Гони Бека для меня чувствительнее. Эта потеря для нас не вознаграждена: другого Гони Бека не будет“.

Только сознание большой важности одержанного успеха несколько прикрывало боль нанесенных утрат. Хан обошел всю крепость, всех защитников, поздравил живых с победой, мертвых — с райским житием. На тайном совете в кругу ограниченного числа аксакалов Нур Верды Хан поднял вопрос о даль-

нейших действиях. Выяснилась вся непосильность борьбы. Истинные размеры понесенных утрат. Ораз Аамед Хан и Аталык повторили свое первоначальное мнение о вступлении в мирные переговоры. Были и сторонники дальнейшей борьбы. Решили: не ведя никаких разговоров в массах, некоторое время выждать

если русские уйдут и не возвратятся, положение остается без изменений, если же они с новыми силами возвратятся — вступить в переговоры „помимо народа“ и в обстановке борьбы выговорить наилучшие условия. Никаких сенаратных действий не учинять, боевое настроение поддерживать, переговоры вести Нур Верды Хану. Принятое решение хранить в строжайшей тайне. Были отдельные аксакалы, которые упорно не разделяли этого мнения и требовали продолжения борьбы, не взирая ни на что. Нур Верды Хан заявил: „посмотрим“ и на этом совете было кончено. Как сторонники войны, так и противники считали Хана своим сторонником, при чем каждая сторона питала большие надежды и верила в его огромный авторитет, должный склонить разномыслящих к одному решению, следствию Ханом признанной необходимости.

Дни и ночи собирались люди в различных местах крепости: все рассказывали, все слушали — слишком было свежо еще событие и велико по неожиданному результату. По всей степи, по окружающим странам пошла молва о нашей победе над русскими в описаниях, при вышедших всякие размеры действительности. Все это окрыляло еще не бывших в боях, оставшихся невредимыми по счастью, а также наших родичей до Мерва. Нур Верды Хан вскоре умер — его отравили подосланные русскими, люди. Вообще после своей неудачи русские посылали к нам своих шпионов из персов, узбеков, татар и др. Со смертью Нур Верды Хана не стало человека огромного имени и авторитета, созданного им в защите Ахала и в заботах о народе Тегераном и Бухарой он был признан как действительный Хан Ахала. Его неоднократно избирали массы и изгоняли с Ханства, но уважение и признание за ним оставалось. От последовавшего в дальнейшем нашего печального конца мог предохранить только он, против которого не могло быть возражений, которые повторились опять при попытке Ораз Мамед Хана и Аталыка к мирному улажению отношений с русскими. При окончательном падении крепости, после продолжительной осады и произведенного перед штурмом сильнее взрыва части крепостной стены — погибли Ораз Мамед Хан, Керим Берды Ишан и Хан Мамед Аталык.

Много лет спустя, около 1900 года, генерал Куропаткин, начальник Закаспийской области и командующий войсками, во время обычного объезда аулов, разговаривая с одним стариком, спросил, — сколько туркмен пало под стенами Геок-Тепе? „3“ — ответил старик. На повторный вопрос, старик ответил тем же „3“. Предполагая, что старик не понимает вопроса, Куропаткин заявил, что они, одни русские, похо онили убитых туркмен свыше 5 000, что хотел бы он знать приблизительное число всех убитых — до и во время взятия крепости. Старик невозмутимо повторил тоже „3“. Чувствуя, очевидно недоумение собеседника, старик далее заявил переводчику: „Ты передай генералу, что я вопрос его понимаю — он говорит об общем числе зарытых в землю людей. Это действительное множество зарытых людей было убито, но чтобы их родили на следующий же день. Те же „три“, о которых я говорю — вот их нет и не будет“.

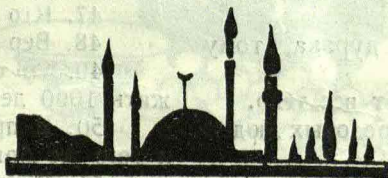
— Кто же эти „3“?

— Аман Гельды Гони, Н. и Н.

⁴⁵⁾ Допускаемое за отсутствием воды или времени обозначение омовения пригоршнем песка.

⁴⁶⁾ Направление шаабы.

⁴⁷⁾ Печка для приготовления чурека.

Человек и природа Туркмени

Сто двадцать шесть туркменских поговорок.

Собрал и перевел Сейд Мурад Овезбаев.

От собирателя.

На течевой стороне кибитки, за зеленым чаем, в группе соседей или прибывших гостей, в степной, выдержанно-медленной беседе, в тоне ниже среднего, изредка прерывая речь глотком чая или затяжкой кальяна, дополняя рассказ ответами на переспросы, поджавши ноги под себя или вытянувши их вперед, опираясь спиной о камыш кибитки, или подложив под локоть скомканный халат — в длинные, знойные, летние дни или, расплоснувшись вокруг „оджока“ после „ясты намаза“ с дубленными, желтыми „постунами“ на плечах, так же за чайником зеленого чая, у ровно горящего в середине кибитки с обычным потрескиванием огня, освещающего смуглые, серьезные, морщинистые лица сидящих, от центра за костром к двери в порядке старшинства и значимости, изредка передвигая друг другу чашку чая или в полголоса выражая одобрение

или недоумение, при свете жестиной копилки, а то и без нее, — в длинные ночи зимнего времени — туркмены среднего и старшего возраста, в подходящем месте рассказа или случая говорили в пояснение или по аналогии и продолжают говорить в наши дни...

Затихло плесенью веков веет от рассказов и верований, трезвой мыслью блещут отдельные поговорки, живые и применимые каждый день к подходящему случаю...

Эти поговорки и прибаутки распространение имеют во всей Туркмении. Наибольшие — среди текинцев аул Шир-Кала, Келяджар Ашхабадского района. Рода Амамла (Амла), отличающаяся особой наблюдательностью, одарен остроумием. Много остроумия учитывается им, как якобы ими созданные даже в том случае, если текинец надок острит просто от себя.

1. Когда скачет несколько ослов — один из них будет первый.
2. Когда обувь тесна — от широты мира пользы нет.
3. Обида не жалеет — мужа ждет папа.
4. Когда луна взойдет — мир это увидит.
5. Когда караван повернет — хромота окажется впереди.
6. Ни говори своей тайны другу — и у друга есть своя тайна.
7. Если осел останется от осла — отрежь ему уши и хвост.
8. Длинные, длинные разговоры — имеют короткий смысл.
9. Когда зови на помощь — а ослика держи — а привяжи.
10. Чем сорок святых звать на помощь — обратишься к одному богу.
11. Арба начинает скрипеть за сорок дней до развала.
12. При чуме в течении сорока лет — умрут лишь те, кому суждено.
13. Что должно быть — то неотвратимо, как случившееся — оно произошло.
14. Звезда терпеть не может мяты — а мята имеет свойство вырастать у ее ног.
15. Твои уши не слышат того, что говорят твои уста.
16. Когда бьются копытами два жеребца — обыкновенно подыхает осел.
17. Большой осел научит осленка только „ословству“.
18. Когда враг в отступлении — число храбрых возрастает.
19. Голос родственника и во тме соучен.
20. Дрись, дерись, а для примирения оставь место.
21. Проснись рано на рассвете, взгляни на отца, если нет отца — на коня.
22. Беззаботное времяпрепровождение — дело дурака, тому удивляться — дело ума.
23. Если корову ударить по рогам — заносит все тело.
24. С рана при расцвете имеет певцов и передовых людей — при упадке — гиль и начальство.
25. Для зайца родина — курган, у которого он родился.
26. Паршивец паршивца найдет — как вода низину.

27. Козе жизнь дорога — мяснику сало.
28. Если бьющий молот силен — шерстяной кол в землю войдет.
29. Терпеливые превратят голые скалы в пахоту, нетерпеливые — добро во зло.
30. Куда можно добежать — туда можно дойти.
31. Смешному не смеяться — смех обидеть.
32. Огонь истребляет зарождающееся.
33. Свинья увезенная и за море — останется свиньей.
34. Говорят старшие оца.
35. С тобой говорить — как со слепым перекидываться камнями.
36. Рука загнута во внутрь.
37. Когда труса окружишь со всех сторон — он станет храбрым.
38. Створи добро и брось на морское дно: если не рыба, то бог оценит.
39. „Теньга“ везде состоит из четырех четвертей.
40. Воробей на свой взгляд (в масштабе своей относительности) — велик батан.
41. Если бедняк доберется до пищи — из носу пойдет кровь.
42. И богатый богатому даст и бог богатому даст.
43. Пусть мне будет должна пестрая корона — не весной, так зимой придет.
44. Если товарищ слепой и ты зажмуришь глаза.
45. Умный в агу лучше глупого друга.
46. Дурак смеется — когда устанет.
47. Кто обжегся — а молча воду будет пить придурая.
48. Вернись с пути убытка — ты раба.
49. Кто способен переносить муки сам бичевания — может жить 1000 лет.
50. И преследующий и спасающийся ждут помощи одного и того же бога.
51. Може случиться так, что один по наслышке будет рассказывать очевидцу.

52. Подбрось яблоко окнебу—пика упадет—авось.
 53. Ели гуны твердый—бык пеняет на быка.
 54. Журавль на небе—западная земля.
 55. Не умирающего, царя с уга.
 56. Чем зерно софрею—того я курица
 57. Как письма, написанное на вде.
 58. Сколько бы дитя не плакало—тут в свое время созреет.
 59. Вода утечет—камень останется.
 60. Вот человек, которого купил бы, что бы уничтожить
 61. Прочитанная тобою молитва не стоит покоя разбуженных ляшек.
 62. Если кола не тронет волк—он и до Каабы доберется.
 63. Из провожающего не будет попутчика.
 64. Лучшее сходство для собак по отцовству, для людей—материнству.
 65. Человеческие качества человека—оценит только человек.
 66. Животное пьет воду из хозяйского глаза.
 67. Лживые рассказы имеют свидетелей из умерших или отсутствующих
 68. Вот складная ложь, которую нельзя променять на правду
 69. Если бы можно было поверить—хорошие известия.
 70. Голый не будет обходить воду.
 71. Если от дележки наследства достанет и тумак—возьми.
 72. На том ослике моего вьюка нет, если упадет, то и дела нет.
 73. Пока сытые не перетрусятся голодный не наестся.
 74. Перед глазами труса все двоится.
 75. Поставь человека в смертельное положение—на большое и сам согласится.
 76. Если все прочее своей прочностью обязано богу—веревка—с ле завяжет.
 77. Улыбается тысяча одних хитрых маневров, но самый лучший из них не поазываться на глаза.
 78. Если бы стало только за богом, позор был бы неизбежен—выручил лес.
 79. И принесший воду и разбивший кунган—в одной цене.
 80. Голый сидит на земле, мыслью бродит на горе.
 81. Как бы ни извивалась змея—в нру должна войти выпрямившись
 82. Взглянув на мать—женись, взглянув на край—купи.
 83. Дураку врага не нужно.
 84. Язык несчастья, зубы—крепость.
 85. У едущих на лодке—душа одна.
 86. Предоставивши возможность—может не стыдиться.
 87. Если ты душой со мной и в Йемене—ты со мной рядом, если вне меня—ты в Йемене.

88. Лишь только осел ожиреет—лягнет хозяина.
 89. Хорошая лошадь должна смотреть и видеть впереди—хороший человек позади (последствия).
 90. Хоть и стара, но с девицей, хоть и криво но дорогой.
 91. Кто пренебрежет своим добром—будет клянить чужое.
 92. Чарволарство—до первой непогоды или первого на падения.
 93. Если хочешь, чтобы туркмен переселился—проведи мимо него переселение.
 94. Туркмен не поленится драться, но полниться говорить
 95. Хорошее слово выведет змею из норы, плохое слово—мусульманина из веры.
 96. И лягушка из лужи говорит: „страна—эта страна“...
 97. Умный себя винит, глупый—товарища.
 98. И вор и ловелас всех мекит собою.
 99. Для каждого своя родина Миср (Каир).
 100. Прощай, читай прошедшим.
 101. И это пройдет
 102. Язык—вещь выросшая на влажном месте.
 103. И шкура тигра для осла вьюк.
 104. „Или от угля или от железа“ говорит плохой кузнец.
 105. „Не зная“—от тысячи бед предостережет.
 106. Падающего дома один кирпич не подопрет.
 107. Самая главная хитрость—сила.
 108. И после тысячи вскриков вороны не будет весны, после первого крика лебедя она придет.
 109. Собачий труп волочет тот, кто ее убил.
 110. Если на земле не идешь—возьми сосчитавши.
 111. Если буде бродить парень—на счастье набредет, если будет бродить женщина—на безчестье.
 112. Пустолайка гостя в дом заведет.
 113. Если ж на ветренная—мир в стране не для тебя.
 114. Угождала одному, угождала другому—ребенок вышел не в отца.
 115. Слепой выпускает палку из рук один раз.
 116. Слабые силы—должен быть поवालлив.
 117. Пусть собака не видит и не лает.
 118. В одной руке два арбуза не удержать.
 119. Кровью кровь не смоешь.
 120. Из собак стад не бывает.
 121. Лес подожги—имя создай.
 122. Если бы знал, что отец умрет—променял бы его на соль.
 123. Да будет к лучшему.
 124. Такому то объяснять—как ослу на уши читать Коран.
 125. Если осел не идет к вьюку—веди вьюк к ослу.
 126. Если мать твоя стала предметом очередного пользования—и ты становишься в очередь.

Туркменские пословицы и поговорки.

(Из сборника туркменских пословиц и поговорок, собранных т. Гельдыевым, вышедших на туркменском языке в изд. Туркменгиз'а в 1926 г.)

Перевел С. М. Овезбаев.

1. Конец войны—голод, торговли—долги, шерсти—шелк, денег—ничто.
2. У здорового человека наживное имущество цело.
3. Если скажут, „разбогател“—верь; если скажут, „стал правитель“—верь; если скажут, „изменил привычку, мораль“—не верь.
4. В опасных местах и не спи, и опасных снов не зри.
5. Дерево стремится вверх, плод вниз.
6. Если увидишь человека ниже себя, вознеси благодарение; если увидишь выше,—вдумайся.
7. Золото и серебро не стареют, отец и мать цены не имеют.
8. Пока жив отец, выбирай друзей; пока есть конь—дорогу.
9. Если состарится отец, не приобретай раба; если состарится мать—рабыни.
10. Учитывающий последствия, не может быть храбрым.
11. Кто боится воробьев, тот не сеет.
12. За добро добро—дело всякого человека, за зло добро—мужественного, за добро зло—дело осла.
13. От хорошего человека остается имя, от плохого—дурной пример.
14. Если нет пшеничного хлеба, неужели нет пшеничной речи?
15. Если хорошему сказать „хорош“, возрастут хорошие черты; если дурному сказать „хорош“, откажется от дурных устремлений.
16. Если скажут: „от хорошего родился плохой“, не верь; в один прекрасный день явит свои благородные черты. Если скажут: „от дурного родился хороший“, тоже не верь: в один прекрасный день явит псовство.
- (От переводчика: здесь непередаваемая игра слов „благородство“ на туркм. яз. происходит от слова „ат“ (конь), „низость“ от слова „ит“ (пес).
17. Человек от человека избавится, от побуждений—нет.
18. От плохого откупись.
19. Лучше иметь неустыженное лицо, чем бессчетную казну.
20. Лучше дать и почувствовать силу, чем, получивши, чувствовать слабость.
21. Взятка и по небу проложит путь.
22. Чем обращаться к скупым богачам, обратись к таящим силы горам.
23. Рука руку моет, а вдвоем лицо.
24. Капля за каплей—получаются озера, без единой—пустыня.
25. Друг „чудовище“ лучше бесполезного ангела.
26. Вместо тысячи исполнителей—один руководитель.
27. Лежачему быку нет пищи.
28. Не несший пчелиных трудов, не оценит достоинств меда.
29. Не трудишься—не жуешь.
30. Каждый собирает посеянное.
31. Если косить языком, спина не устанет.
32. Нет названия страны, где не нужно трудиться.
33. У кого не греется голова летом, у того не греется казан зимой.
34. Пошедший принесет, сидевший будет справляться о ценах.
35. От хорошей жены и коня прежде времени возрадуешься, от плохой жены и коня раньше времени умрешь.
36. Жена без мужа—конь без узды.
37. Хоть и по кривой, но по дороге; хоть и со старой, но с девой.
38. Неразборчивая жена—божье наказание.
39. Женщина пугается белого (седина), свинья—черного (чучела).
40. Одна девица пойдет замуж, тысячи по ветру (подневольно).
41. Нет красавицы без недостатка.
42. Почитаю—мой наставник (пир), не почитаю—равный.
43. У ябы *) нет шага, у муллы—подачки.
44. Сумасшедший любит сумасшедшего, мулла—мертвого.
45. Не подражай мулле в делах; делай то, что он говорит.
46. Если даешь мулле—придержи руку, если отдаешь замуж—язык.
47. Стать муллою легко, трудно стать человеком.
48. Неломашегосяне сделает мастер; неумирающего—бог.
49. Ум не в летах, а в голове.
50. Самохвал—большой дурак, женохвал—меньший.
51. Глупый гость будет угощать хозяина дома.
52. Ребенок без отца—сирота, без матери—пленный.
53. Сырый мальчик, кушая и свой заработок, будет нести чувство обязанности кому то.
54. Сироту бей, ругай, но не рви ему платья.
55. У сироты семь желудков.
56. Глаза сироты на ложке, глаза вора—на добыче.
57. Голодный выходит, голый входит.
58. Умрет не голодающий, а охваченный паникой.
59. Голодной курице снятся зерна.
60. От бедности не умрешь, но и не улыбнешься.
61. Бедняку собака и вши—враги.
62. Конь в худосочии, девица в бедности—невидны.
63. От богатого перепадет—от меда капнет.
64. Хвалится богач—найдется, хвалится бедняк—разорится.
65. Через поместье богача проходит река, через поместье бедняка—дорога.
66. Ростовщика разорит фантазер.
67. На колеблющегося не рассчитывай, на воду не опирайся.
68. Чем молить о смерти врага, моли о своем здоровье.
69. Старый враг не станет другом, черная кошма—белой.
70. Не жги—обожжешься, не копай—попадешься.
71. Происходящее от собаки не годится для Курбана.
72. Измениться может все.
73. Дружба—дружбой, правда—правдой.
74. Из друзей лучше старый, из одежды—новая.
75. Будешь тормозить огонь—погаснет, будешь тревожить соседа—переселится.
76. Дорогу осилит идущий.
77. Выпущенная пуля от камня не отвернется.
78. Зубы крепость, язык—несчастье.
79. На свете самая сладкая и самая горькая вещь—язык.
80. Сабля свою ножну не режет.
81. Пока не побьешь, „тат“ не подружится.

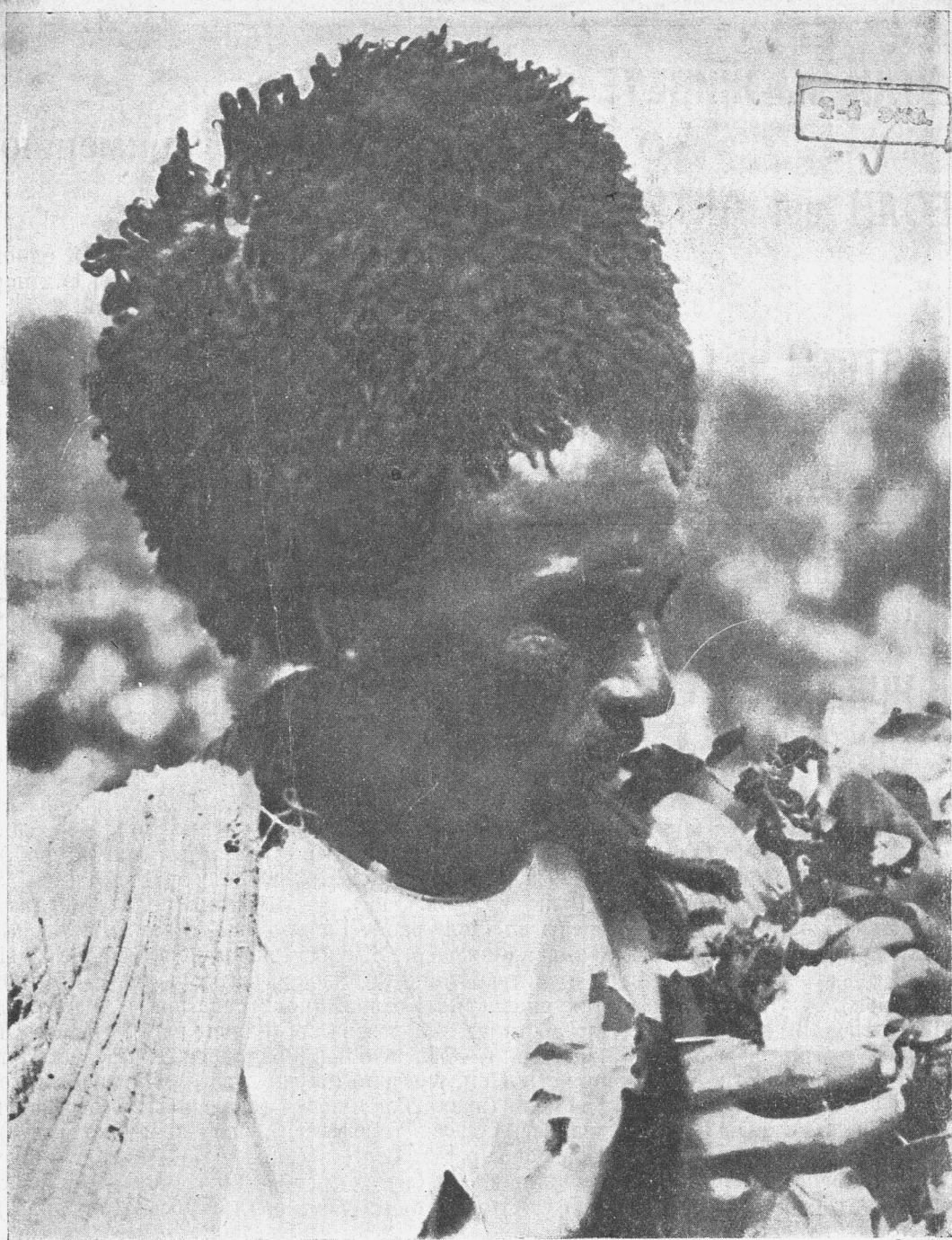
*) Яба — самая низкая порода низкорослых лошадей.

82. Головы двух баранов в одном казане не варятся.
 83. Будешь плакать в интересах масс—ослепнешь.
 84. Аяз-хан, гляди на свои онучи. (Аяз-хан—нарицательное имя выдвинувшегося рядового).
 85. Собранное по ложке не выплескивай тазом.
 86. Или деньги нужны, или сила.
 87. Если глотку не прижмешь, она проглотит верблюда.
 88. Без расхода нет дохода.
 89. Дело сегодня не откладывай на завтра.
 90. Ночью не иди на огонь, днем—на дым (в смысле—не рассчитывай).
 91. Влезай на курган—оглянись: куда большинство—иди туда.
 92. Собыешься,—сбивайся с большинством.
 93. Птица от своих крыльев не требует платы.
 94. Пригодившийся нож имеет золотую рукоятку.
 95. Земля тверда, небо далеко.
 96. Падающий дом не подопреешь одним кирпичем.
 97. Державший мед оближет палец.
 98. Из зятя не будет сына, из золы—кургана.
 99. Если оратор дурак, хоть слушатель нужен умный.
 100. Рука ломается, чтобы криво срастись.
 101. Сына знает отец, коня—хозяин.
 102. Если проголодаешься, иди к пастуху; если хочешь пить—к дехкану.
 103. Муравей—в упорном труде; лягушка в—музыке и развлечении.
 104. Мне вместо красоты сила.
 105. Вошедший в баню—не выйдет не вспотевши.

106. Если входишь в нору, предусмотрй выход.
 107. В шутку одолеет сын, в серьез—отец.
 108. Палка попадает разнимателю.
 109. На льду пыли не ищи.
 110. Собачьей обиды не поймет хозяин.
 111. Человек состарится, эпоха—нет.
 112. Поручение мертвого с ним вместе.
 113. Если подружишься с текином, весь рот будет в са-ле; если с иомудом—конь и оружие в украшении; если с гя-уром—обогатит пустословием; если с чаудуром—заботами как бы избавиться.
 114. Текин не ценит соседа, иомуд—выдающегося.
 115. Тат соберет, туркмен разберет.
 116. Если других врагов нет, нет-ли двоюродных.
 117. Робящий ребенок виден по манерам.
 118. Когда женщин будут вести в ад, их пригласят на поминки.
 119. Волчьего сына нельзя приручить.
 120. Не лежащий (больной) умрет, а кому суждено.
 121. От одной и той же овцы родится и белый, и черный.
 122. Подойдешь к казану—черным обмажешься.
 123. Дело, затеянное советом не приостановится, а если и несколько приостановится—все же оно хорошо.
 124. Если и знаешь возможность получения, бога вспомни (имей чувство меры).
 125. За голодным не имей займа, за сильным долгов.
 126. При „на!“ откроет глаза мулла, при „дай!“ попреет он законы Алла.

Слепой бахши. (Рис. Ив. Герасимова).

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

№ ————— Август-сентябрь 1929 года ————— 8-9

В туземном аде. На юмаре, жертах.

О ЖИЗНИ

(По туркменским аулам)

Ташауз—Карадашлы

Уже третий день мы живем в юрте женщины — председателя аулсовета.

Сухое и властное лицо, короткое и жесткие распоряжения, беспрекословно исполняемые бороатыми дехканами, внушают уважение к этой женщине, так непохожей на остальных, завернутых в яшмак и выгнувших жизнь свою в вопросительный знак над нескончаемыми муками дехканского быта.

Идет распределение дехкан на хошарные работы, и юрта председателя аулсовета похожа на остров в море кивающих и вертящихся голов.

Шум и споры не прекращаются. Но это не обычные споры, где есть отдельные спорщики и посторонняя публика. Говорят и шумят все.

Что случилось?

Новый хошар, невиданный хошар, где дехкане не просто дехкане, где работает не тот, кто «пьет воду из Газавата», а где есть батрак, бедняк, середняк и бай. Классовый принцип хошара. И теперь бай будет делать такую работу, какую раньше делал бедняк.

Большевики хитрый народ. И руку их жестко чувствует аульный богач, проклинаящий беспокойных людей, ни одной минуты не дающих жизни течь так, как она текла доселе, и трясущих аулы, как трясут одежду, очищая ее от наслоений пыли.

Аллах акбар! Видно, придется мне отказаться от земли, — выпискивал тонким голосом огромный мужчина со вздутым животом, многозначительно поглядывая в нашу сторону.

— По новому закону — продолжал он — я на хошар должен выставить 10 человек. А кто мне даст денег на это? Где мне достать деньги? Да и люди не идут — нанимать некого. Советская власть середняков обижает, разоряет дехкан. По следнего быка на базар выводить придется. Аллаха акбар!

Спрашиваю — сколько платит налога жалобщик.

— Этот?

Секретарь аулсовета скрыл улыбку в лопатообразной бороде и наклонился над подобием книги с остатками переплета.

— Этот? — переспросил он, уже улыбаясь во весь рот, — пятьсот рублей.

«Середняк» сконфуженно замолчал и медленно выполз из юрты, бросая злобные взгляды в сторону секретаря аулсовета. Его проводили усмешливые глаза сухонького туркмена, сидевшего на корточках перед костром.

— Этот человек — сказал сухонький, облизывая зачем то верхнюю губу — имеет три жены и дает деньги в рост. Власть ему дороги закрыла, а от земли и скота он не откажется, если...

Мысль маленького человечка так и осталась недосказанной, но письменами морщин на суровых дехканских лицах написана она, и потому слова кажутся лишними.

Новая «выдумка» большевиков насчет хошара всколыхнула аулы, и вокруг нее закипела классовая борьба. Беднота и большая часть середняков встретили новый хошар, как облегчение извечного труда, неслыханно тяжелым бременем ложащегося на дехканское хозяйство.

Байство и зажиточные повели бешеную агитацию против нового хошара, так как доля участия их увеличивалась в несколько раз по сравнению с прошлым. И в моменты распределения людей по специальным группам для отправки на «казу» богатеи всячески старались скрыть свое имущественное положение, но большей частью попадались разоблачаемые батраками и беднотой.

Нужно знать, что такое хошар в Ташаузском округе, чтобы представить себе, почему такая ожесточенная борьба закипела вокруг его классовых принципов.

Сухие фразы отчета окружного исполкома как-бы пропитаны потом и кровью десятков тысяч людей.

«Если принять стоимость рабочего дня (казуча) по средней ставке зарплаты в 1,57 руб. и арбодия — в 3 руб., то общие расходы населения на очистку и исправление водной сети округа выразятся в следующих цифрах:

24—25 г.	560.448 руб.
25—26 „	823.367 „
26—27 „	1.314.050 „
27—28 „	1.326.888 „

Только на очистку голов магистральных каналов население округа ежегодно тратит 131.000 рабочих дней в среднем.

Дехкане еще очень хорошо помнят, как при хошаарах свистели над их головами камни надсмотрщиков хана, затем, чтобы лавина доля всей воды попала на жирные поля баев, родовых вождей и ханских чиновников.

Нет, теперь родовых вождей и чиновников всемогущего хана, нет и самого хана. Кончились они в огне многолетней и упорной борьбы трудового дехканства с феодалами, баями и басмачами. Кончились они и начаты были дни, в которые могучими пружинами раскрывались новые формы жизни. В изобилии посыпались ча ая ячейки, шарикеты, кооптавки, школы, собрания, кампании, колхозы и артели, и заворошили бездорожье дехканской жизни.

А теперь на всех собраниях слышишь: «Мало школ, давай школы, давай кооператив, давай ячейку, давай, давай, давай, и давай».

Большевистский портной перекраивает узкоглазый аул, и из слатанных кусков серой земли с узорами арыков вырастают коллективные хозяйства — страшная угроза для зажиточной и байской части аула. Эта последняя еще не подрублена под корень и усиленно сопротивляется, местами переходя в наступление.

Убийства батраков, женщин-активисток и советских работников — это кровавые вехи наступления классового врага.

Но беднота напирает, и все смелее раздаются голоса: «даешь земельно-водную реформу».

Этот лозунг был написан на знаменах батрацко-бедняцкой демонстрации перед съездом советов в Тахтинском районе.

— Даешь земельно-водную реформу!

И тогда Ташаузский округ, подхлестываемый решениями ЦК ВКП о хлопководстве, сумеет показать в предельной мощи свои огромные возможности, забрав на себя солиднейшую долю выполнения всей Туркменией задач «хлопковой революции»...

Стемпело. В дырявой юрте осталось 5—6 человек аульных активистов. Они молча попивают кок-чай, сидя на кошмах вокруг дымящихся в середине юрты колючек.

Мы прервали деловые беседы и опросы и отдыхаем, просматривая собранный обследователем материал.

Шей у меня страшно ноет от непривычного полулежачего положения при записывании сведений, сообщаемых дехканами.

Выхожу, спасаясь от дыма, подышать свежим мартовским воздухом. Снаружи холодно, чуть холоднее, однако, чем в юрте. С песков тянет промозглая ползетка и забирается под свитер. Луна боком толкается с облаками, бросая на хлопковые поля причудливые письмена теней. Где-то с настойчивостью, достойной лучшего применения, гукает филин.

Мой товарищ по исследованию, не выдерживая, очевидно, окуривания дымом колючек и чилима, высказывает из юрты и хрипит, забирая морозный воздух в свои объемистые легкие. Отдышавшись, он начинает петь (упаси, боже) какую-то модную песенку. Дикое сочетание мотива, слов и этой бесконечной песчанной дали поразило меня своей уродливой нелепостью.

Вот так когда-то я был поражен, попав, после долгих скитаний по разным местам Ферганы, в кишлак Чирик-Джида. В этом кишлаке, сидя у учителя за всевосточным кок-чаем, я слушал... арию Мефистофеля (На земле весь род людской), исполняемую актером на итальянском языке.

Актер был не живой и сипел из граммофона, но я остро чувствовал странность сочетания песни с глушью затерянного кишлака, с внутренним убранством кибитки и обликом дехкана, с улыбками слушающих непонятные слова из непонятной трубы.

Но, как ни хорошо дышать свежим воздухом, все-же лучше сидеть в тепле, хотя-бы и дымном.

Влезаем в юрту, садимся поближе к огню и слушаем негромкую беседу дехкан.

Жизнь за костром приучает к тихим и душевным разговорам, и с особенным интересом слушаешь рассказы все о том-же — о хлопке, о ценах на базаре, о лучшем скакуне в районе и о том, что Шалтай-Батыр где-то близко волком кружится в песках.

Подымается рваный полост дутар, и с дутаром под мышкой входит маленький человек, одетый в европейское платье. Это здешний бахши, он же учитель.

На лицах дехкан приветливые улыбки и большая радость. Что есть лучшего, чем иметь быстроногую «юргу» и слушать хорошего бахши.

Альтер запел настраиваемый дутар, и на стенах юрты застыли гнутые тени сидящих вокруг костра людей.

Поет дутар. Эта песня пришла из далеких кочевий — в ней завыванье степного ветра и неслышанно тяжелая жизнь иомуда. Переливчатые звуки ткнут узоры тоски. Хочется думать о самой песне, о ее рождении.

У негреющих, в суровые снежные дни, костров, под бешеными лучами кара-кумского солнца, в великом безмолвии пустыни, в страданиях умирающих от жажды, в вечной борьбе за жизнь, в непрерывном движении кочевий — складывалась эта песнь, скорее похожая на стоны.

Обрывается пение. Бахши вытирает платком пот с лица и, не торопясь, пьет чай. Потом берет в руки дутар и, любовно поглаживая гриф, начинает новую песню.

Я не знаю туркменского языка, но слова песни близки и понятны мне также, как и этим людям с угрюмыми и крепкими лицами, высеченными тусклым светом костра из полумрака юрты.

Бахши поет о Ленине, о большом человеке, об «отце всех бедных дехкан», сказавшем то, о чем много сотен лет они думали.

— Умер Ленин, — импровизирует бахши, — но он научил нас делать свое дело, и мы будем продолжать его. О, Ленин, отец наш, защитник всех обездоленных, сирот и бедняков, враг богачам и злодеям, ты указал нам путь, ты, самый великий из великих, самый родной из родных...

Новые песни поет аул, новые думы упорно думает он.

... Только поздней ночью начали укладываться спать. Просматриваю записи, сделанные за день, и заканчиваю заносить в блок-нот «необследовательские» мотивы.

Ложусь спать не только не раздеваясь, но и натянув на руки шерстяные перчатки, на голову ушанку и завернувшись в одеяло и «постум». Все-же холодно. Верхнее отверстие юрты нельзя закрыть, так как можно задохнуться в дыму, а от костра никакого толку.

Вот уж воистину юрта — лучший показатель имущественного состояния «председательницы».

М. ПАЛЛЕР

(Продолжение следует)

№ 12

Декабрь 1929 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
Института Туркменской Культуры
(год издания четвертый)

Ответственный редактор—Г. Брагинский
Зав. Редакцией—А. Облонский.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ашхабад, Гоголевская, 28.—
Туркменкульт. Тел. 3—18 и 3—49.

В Н О М Е Р Е:

- Г. Б.—Железный солдат революции (к 50-летию т. Сталина).
- Г. Брагинский—В полосе развернутой реконструкции (к итогам ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)).
- Я. Гальперштейн—План второго года пятилетки (контрольные цифры промышленности ТССР на 1929/30 г.).
- Д. Бацер—Очерки экономического развития ТССР (Продолжение. Очерк III. Земледелие).
- Г. Явлинский—Бюджет и хлопок в ТССР.
- Г. Петров—Климатические предпосылки развития хлопк. хозяйств в Туркменской ССР.
- Л. Мориц—Защита хлопчатника от вредителей.
- М. Сенджаби—Стая хищников (советничество в Персии).
- К. Южный—По поводу статьи—„Совр. сост. пер. прессы“.
- А. Самойлович—Махтум-Кули и Хаким-Ата.
- В. Булаш—По древнему руслу Аму-Дарьи.
- М. Паллер—О новой жизни (по туркменским аутам).

Библиография

- Я. Якубсон—Литература о Туркмении
А. Олевич—„Туркменская Искра“ (указатель).

П Р И Л О Ж Е Н И Я:

1. Дневник Туркменкульта № 11 (ноябрь 1929 г.)

Подписывайтесь на „Туркменоведение“!

Условия подписки (с приложениями): 1 год—5 руб., 9 мес.—4 руб., 6 мес.—2 руб. 75 коп. 3 мес.—1 руб. 40 коп., 1 мес.—50 коп.

Цена отдельного номера—50 коп.

Подписку направляйте: Ашхабад, Гоголевская, 28,—
Издательство Туркменкульта.

При коллективной подписке 20% скидки.

Портрет т. Сталина на обложке — работы
художника К. Коргыли

Железный солдат революции

(К 50-ЛЕТИЮ ТОВ. СТАЛИНА)

Жизнь тов. Сталина неразрывными нитями связана с историей коммунистической партии и рабочего революционного движения нашей страны. Он принадлежит к той плеяде профессиональных революционеров-большевиков, которые под непосредственным руководством Владимира Ильича заложили основы большевистской партии и через долгие годы героической борьбы, через горнило революционного подполья и трех революций привели ее к руководству диктатурой пролетариата на одной шестой части земного шара.

Из старой большевистской гвардии, из стальной когорты пролетарских бойцов первого призыва, окружавших Ленина, Сталин — самый закаленный, самый неустрашимый, самый стойкий боец, никогда не знавший ни сомнений, ни колебаний. И в годы революционного подъема и в тяжелые годы поражений он всегда оставался одинаково твердым и непоколебимым соратником Ленина. Его революционная настойчивость и плейная стойкость, последовательность и непримиримость сделали его одним из лучших последователей Владимира Ильича.

У многих ближайших соратников Ленина были периоды оппортунистических колебаний от принципиальной линии партии, периоды малодушия перед опасностями и трудностями борьбы как в предреволюционные годы, так и в годы революции. Сталин же всегда сохранял идейную непреклонность и на протяжении всей своей жизни оставался верным и лучшим учеником Ленина.

Он сочетал в себе лучшие качества пролетарского революционера, которые поставили его в первом ряду организаторов, строителей и руководителей нашей партии.

Эти качества стойкого и неустрашимого бойца сделали тов. Сталина крупнейшим вождем победоносного Октябрьского восстания. В противоположность некоторым др. ученикам Владимира Ильича, он был в эти решающие исторические дни самым верным и бесстрашным помощником Ленина в организации пролетарской победы.

Ту же стойкость и верность ленинизму и прекрасное понимание большевистской стратегии борьбы он сохранил и в тяжелые дни Бреста, ожесточенно борясь против тех оппортунистов, которые под прикрытием мелкобуржуазного интеллигентского фразерства подрывали единство партии и мощь неокрепшей пролетарской диктатуры.

Сталин — крупнейший организатор наших побед в годы гражданской войны. Партия всегда посылала его на самые опасные, самые ответственные участки борьбы, и имя его теснейшим образом связано со славными победами Красной армии.

Но роль тов. Сталина в партии особенно вырастает после утраты Ленина. Он становится лучшим хранителем заветов и продолжателем дела бессмертного вождя, непримиримо отстаивая идеи ленинизма от всяких попыток ревизии их.

Под руководством тов. Сталина партия приводит успешную борьбу с троцкизмом в 1923—24 г., разоблачив его мелкобуржуазную сущность. В период 14 съезда партии он со всей решительностью и последовательностью разоблачает так называемую «новую оппозицию» Зиновьева и Каменева, блокировавшуюся с троцкизмом.

Но ответных голосов инженера Севастьянова и лесомелнатора Воскресенского, посланных от последнего языка в рекогносцировку, — не слышно. И десять голосов снова и снова призывно несутся в ночь, в пустыню.

Хорошо было бы выпустить из рук повод коня, вытянуться и уснуть на холодеющем песке. Все смертельно устало. Но ухо ловит приближающийся топот копыт и голоса Севастьянова и Воскресенского. Все в сборе.

Командор экспедиции снова приказывает держать румб на вторую звезду. Где-то впереди должны быть люди, посланные тремя днями раньше. Там — кибитки, сон, покой. Но где? Там, где кончается вода! А где кончается вода, на какой карте мира можно найти цепь озер, которые мы оглябам с утра? И какое по счету озеро мы уже обогнули — восьмое или девятое?

Ночь, как искусный чертежник, срезала все под одну линейку — не видно ни впадин, ни барханов.

Воскресенский, однажды уже доходивший до конца озера, напряженно вглядывается в окружающую местность.

— Кажется, девятое озеро.

Мы подбадриваемся и поощаем коней. Девятое озеро — значит скоро конец. Но через 10—15 минут Воскресенский разочаровывает.

— Нет, это залив восьмого озера.

Почти в полночь слышали рев ишака. Если бы он знал с каким восторгом мы слушали басовые переливы его рева! В его крике было все — и близость кибитки и радость покоя и сна.

Новое утро. Пятидесятикилометровая цепь озер кончилась. Дальше путь лежит через барханные пески. Долго бьемся над изделием треста точной механики компасом, но наши усилия тщетны. Компас изготовлен так «точно», что магнитная стрелка не подает никаких признаков движения. Она как бы приросла к циферблату. Решаем идти по часам и солнцу.

Местность постепенно меняется. Барханы уступают место широким ложбинам, заросшим мелким кустарником.

На десятом километре от конца цепи озер забираем на юго-запад и преодолеваем последний, самый высокий бархан.

С вершины бархана, настолько хватает глаз, перед нами расстилалась равнина. Идем на запад, затем на юг, на север, и всюду одна и та же картина — прекрасная, слегка холмистая площадка, покрытая злаковыми растениями. Они цепко вяжут корнями землю и приходится только удивляться силе жизни, которая таится здесь, в абсолютном безводьи.

Закладываем два метровых шурфа. Тов. Фрезе, агроном Керкинского окрзгемотдела, исследует почву.

Глина есть. По нашей оценке отношу эту почву к разряду таких, на которых вполне возможна культура хлопчатника и джугары.

На следующий день решаем проникнуть еще дальше вглубь равнины. Новое открытие. Мы наткнулись на еще лучшие земли, чем вчера.

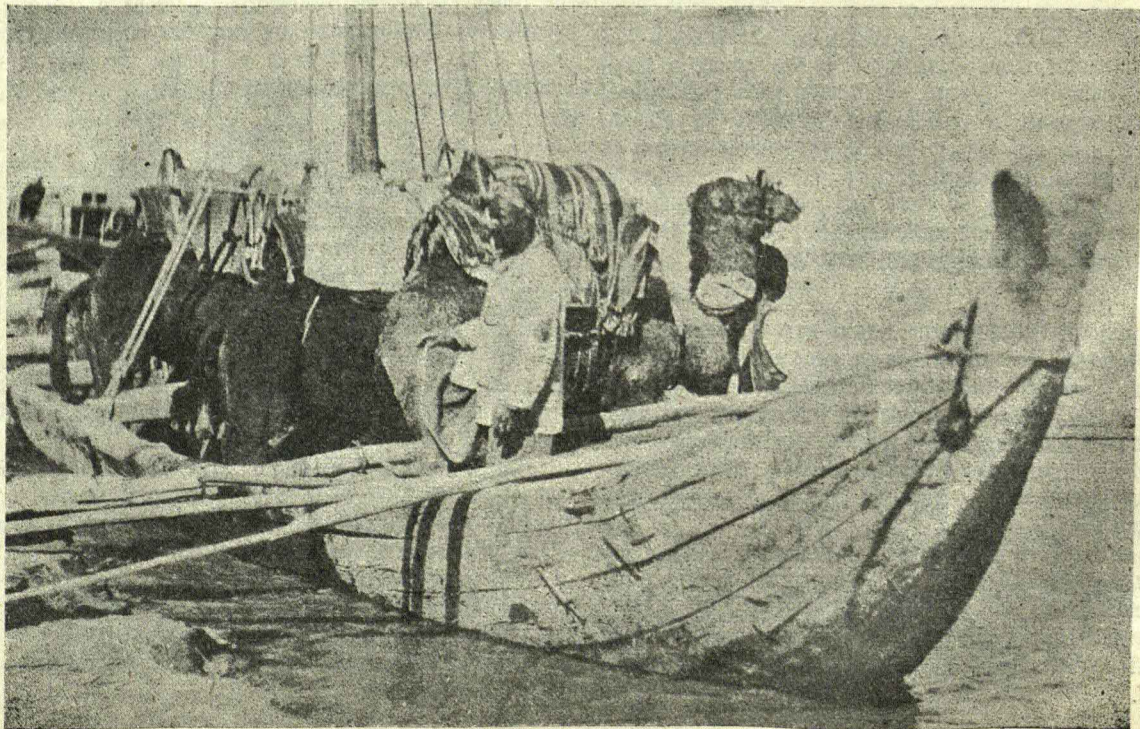
То, что мы видели и изездили измеряется добрым десятком тысяч гектар. А сколько же здесь вообще удобной земли? Может быть, правы исследователи первых экспедиций, утверждавшие, что здесь на равнине имеется около 300 тысяч гектар земли.

Федор Петрович Моргуненков более скромн: он считает, что здесь можно оросить до 100 тысяч гектар.

100 тысяч гектар новых земель, земель, годных под хлопчатник, на которых можно широко развернуть колхозное и совхозное строительство — дадут юго-восточные Бара-Кумы. Там, где было царство смерти, развернется невиданная доселе социалистическая стройка.

Удобные земли расположены всего лишь в 10 километрах от конца последнего озера. Сейчас необходимо срыть небольшую перемычку и вода подойдет к началу песчано-глинистой равнины.

Вслед за орошением песчано-глинистой равнины можно будет думать и о пропуске воды в Мервский и Тедженский оазисы.

М. ПАЛЛЕР

БАЗАР В АУЛЕ (фот. В. Булаш)

О НОВОЙ ЖИЗНИ

(ПО ТУРКМЕНСКИМ АУЛАМ*)

Ташауз—Ходжа-Кумбат

Десять-одиннадцать дней осталось нам до отлета или отплытия из Ташауза. Знаю, что эти дни пролетят, как вспугнутая выстрелом стая грачей — черных и однообразных.

Чувствую, как приливает к глазам какая-то светлая волна — при мысли о конце скитаний по Ташаузским просторам.

Нахожусь в ауле Ходжа-Кумбат, Тахтинского района. Ехали из Ташауза сюда — верхами, с опаской, ибо в районе погуливают всадники Шалтай Батыра.

Ветер, играющий песком, пощипывает по барханам. На зубах скрипит «кум» и от него же нестерпимо режет глаза.

Проезжаем серые песчаные холмы. Пыль — хоть палками выбивай. Волосы как колючки, растущие кучками в степи, как волосы на голове у негра...

Сегодня стоит солнечная погода. Дует теплый ветер, принося с собой издали сумасшедшие запахи весны. Вместо карандаша хочется держать в руках смуглую центральку и походить с зарей по зарослям и болотам. Или — развалиться на зазолоченном солнечными лучами крыльце школы, где мы остановились, зажмурить глаза и наблюдать, как в темноте закрытых век плавают голубые гятна.

Первая муха гудит лениво, стучась о прозрачную неизвестность окна. За стеной слышно, как на лужайке возятся ребята, играя в веселую лапту.

Сейчас вечер, еще не успело совсем стемнеть, но над самой школой уже помаргивает звездочка и где-то

чукает филин. Крепко переругиваются между собой многочисленные собаки.

Пора собирать собрание.

Пришло немного народа. Большинство жителей аула находится на хозарных работах, в голове крупнейшего канала «Газават» — в ста километрах от аула. Больше половины пришедших вооружены винтовками. В этих краях дайхан неразлучен с оружием, так как до сих пор остатки когда-то больших басмаческих шайек совершают еще кое-где грабежи и насилия. Жители, в свою очередь, организуются в дружины самообороны, ведущие систематическую борьбу с бандитами.

При меланхоличном свете «кончужки», не имеющей сил осветить небольшую комнату, заставленную партами, открываем собрание, вернее собеседование, с дайханами.

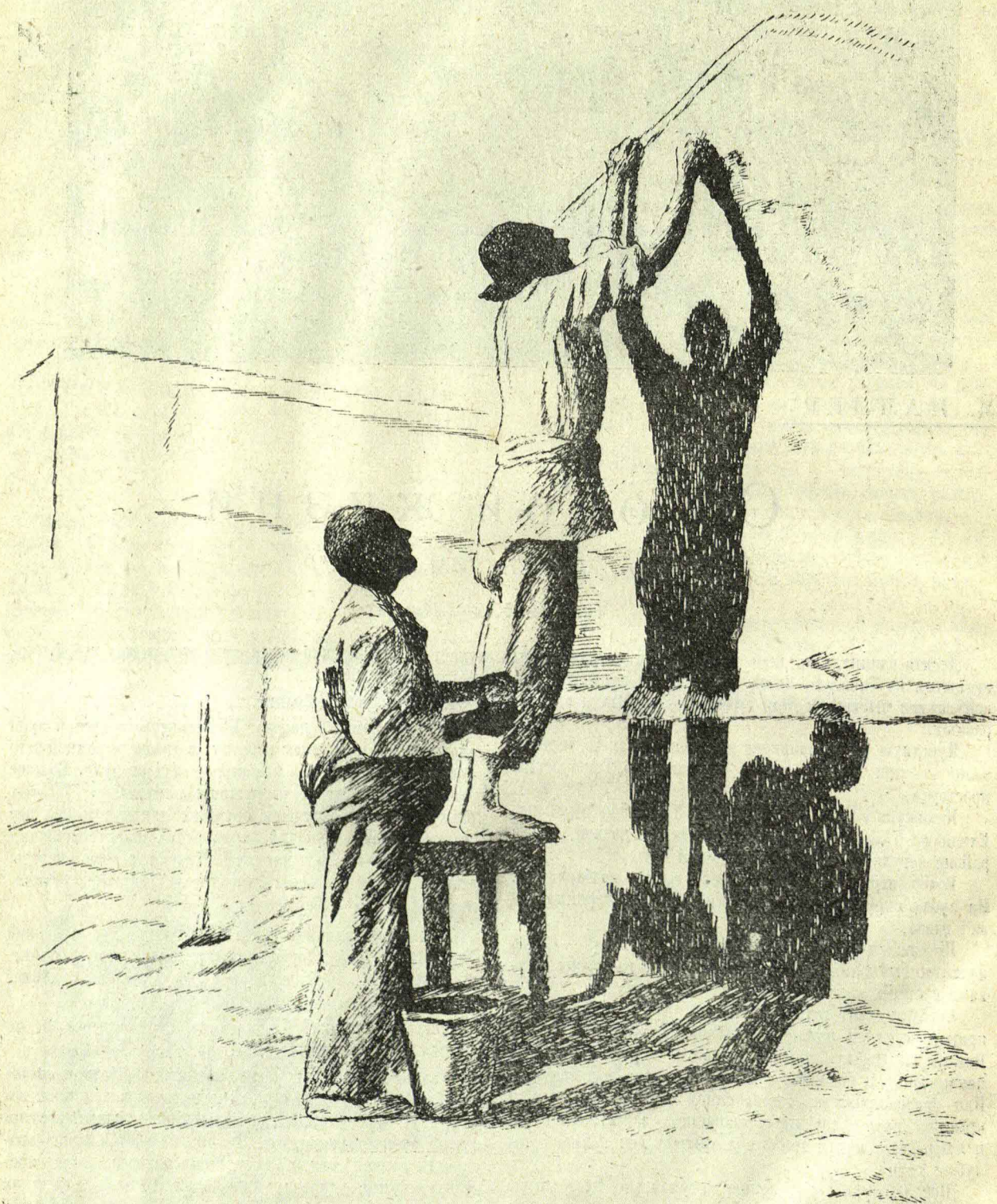
Жалобы мужика? Ну, конечно, прежде всего на то, что нехватает воды, что тяжел хошар.

Тахтинский район, расположенный по водной системе «Газавата», терпит острый недостаток в поливной воде и нередко случаи, когда из-за этого пропадают сотни гектар хлопковых посевов. Причины кроются в неустойчивости водной сети, в отсутствии шлюзов, водораспределителей и в капризах Аму-Дарьи, которая иногда на целую версту отходит от головы «Газавата» или, наоборот, диким порывом разрушает ее.

И еще есть одна причина «чигирь». Это примитивное сооружение из передачи деревянных колес, с напизанными на вертикальное колесо глиняными кувшинами — черпалками воды, которые льют воду на поля, когда

*) Окончание. См. «Туркменоведение» № 8 — 9 (1929 г.).

Рис. художн. ЩАПОВА

На смену кибитке.

нужно и когда не нужно. — выросло в Тахтинском районе в политическую проблему.

«Чигирь» оказывается отрицательно воиает на национальные взаимоотношения узбекского и туркменского населения, живущего по Газавату. Беседа с дайханом делает для нас ясной всю картину, места окрашенную кровью.

Канал «Газават» берет начало у Аму-Дарьи, на территории Узбекистана. В его головной и средней частях расположено узбекское население, а хвостовую часть занимают туркмены. Испокон веков узбеки и туркмены враждовали между собой из-за воды, ибо узбеки были под покровительством охана, в более лучшем положении. Так как они занимали верхнюю часть «Газавата», то вода попадала на их поля раньше, чем на поля туркмен, и в таком количестве, что уже потом в канале не хватало воды для орошения полей, расположенных в хвостовой части «Газавата». Главным способом перекачки воды на поля у узбеков является чигирь, приводящийся в движение силой течения и механически поливающей поля. Никакие нормы полива здесь не соблюдаются, да и невозможно их регулировать, хотя в этом направлении и делаются большие усилия.

Туркменское население ненавидит чигирь, так как он отнимает у них воду и занимает дно «Газавата». И при посушке хлопковых полей воду оно относит к узбекам.

Теперь, при советской власти, принимаются меры к урегулированию этого вопроса и уже есть решение о снятии чигирей и о замене их другими формами подачи воды на поля.

Медленно тянется беседа. Говорит руководитель партшколы-передвижки:

— В нынешнем «казу» я заметил, что дайхане не едут в одиночку и даже маленькими группами на голову «Газавата», а отправляются большими партиями, да еще вооруженные. Спрашиваю: — «В чем дело? Мне отвечают: — «Мы боимся ехать в одиночку, так как нас могут убить узбеки». — «За что?» — «А за то, что наши казучи часто сжигают и разрушают узбекские чигири».

Руководы прерывает дайхан, одетый в оборванный халат:

— Это было, кажись, в прошлом году. Несколько жителей нашего аулсовета поехали на хошар. Вечером остановились на ночлег на земле, которую обработал один узбек. Когда узбек увидел огонь костра, он прибежал на поле с оружием в руках и стал прогонять казучей, боясь, что они могут разрушить его чигирь. Ну... наши дайхане разозлились, схватили узбека и зарыли его по горло в землю. На другой день узбека еле живым вытащили.

— Но это отдельные случаи, — говорит батрак, председатель аулсовета, — теперь, при советской власти, наступил мир, и если будут сняты чигири и «инджинар» и как следует поправлен «Газават», тогда совсем будет хорошо дайханам — узбекам и туркменам.

Целый вечер только и было разговоров, что о воде, об отце сотен арыков и ябов — огромном канале «Газават».

К нам в комнату уже влетает четвертый человек, обманутый первоапрельским «узун-кулаком» (нововведение учителя). Выслушав объяснения, он, как и все остальные, меняет деловое и настороженное выражение лица на веселую улыбку, за которой прячется смущение околпаченного.

День еще теплее и весеннее вчерашнего, ветер уже устал дуть и отдыхает на мягких песках; иногда сонно заводится, засопит в кустарнике и снова умолкнет.

Недавно, какими-то судьбами, я раздобыл и прочитал книгу какой-то американской писательницы. На протяжении нескольких сот страниц была размазана история одного молодого человека, пробившего себе карьеру в толще капиталистических отношений. Думаю: серенькая, ничем не отмеченная жизнь, мелкие дни и переживания, мысли — стандарт и желания — рванье.

Жизнь на самом деле куда интереснее, чем ее изображают даже самые высокие художники пера или кисти, к коим я, конечно, не отношу эту писательницу.

Вот жизнь наша — обследователей: она интересна и содержательна. Какую массу людей встречаешь, какие огромные имешь возможности познать их, сколько мыслей и испытаний в походах, в переездах из аула в аул, из района в район, из города в город. Сколько организаций проходит перед глазами и застывает выводами и фактами на белых листах блок-нота. Иногда кажется, что можно захлебнуться от такой массы впечатлений.

НА «ЮНКЕРСЕ».

Лечу на светлокрылом «Юнкерсе». Эти строки, дрожащей поневоле (от работы мотора) рукой, вывожу, сидя в маленькой остекленной кабине, где гул машины невидимым прессом давит барабанные перепонки.

Внизу лоскутным одеялом раскинулись поля, маленькими ящичками и кристалликами — дайханские домишки, а дальше — угрожающее однообразие насушившейся барханами пустыни Кара-Кум.

Замечательная погода. Ветер играет самолетом и машина резко прыгает на прозрачных волнах.

Серееет солончак, похожий на грязный и талый весенний снег. Арыки, наполненные водой, сверху похожи на гигантских червей, перепутавшихся в какой-то бессмысленной игре. Людей, и вообще живых существ, не видно.

Летим на большой, относительно, высоте. Ветер, на время переставший таскать самолет за хвост и крылья, снова начал игру и машина, ревущая злобой своего 400-сильного сердца, становится на дыбы или скользит на крыльях, забирая высоту.

Остановка в Новом Ургенче. Изумительно ощущение посадки, когда самолет делает круг над аэродромом, как ястреб, высматривающий зазевавшегося цыпленка. Плавное опускается самолет, один-два легких толчка о землю, дверца кабины открывается и нас вежливо просят прогуляться, пока летчики будут завтракать.

Через полчаса мы вновь в воздухе. Летим над широкой и извилистой Аму-Дарьей, выгибающейся, как кошкоричневую спину у Дарган-Ата. Затем опять пески и пески, исполосованные шумной плетью сурового нарда. Край их завернулись в голубое одеяло тумана и даль сделалась похожей на море в зимний день.

Ни одного дерева, ни жилья, ни стад, ни кочевников. Мертвый край, где самое живое — это барханы, песок, шелестящий струйками или потоком по путям, отмеченным ветрами.

Вдали, где песок сливается с небом, миражем замелькала ярко-зеленая полоса. Мираж не исчезал и с каждой минутой зеленый пояс горизонта делался все шире и шире. Вскоре на нем замелькали узоры дорог и причудливые клетки хуторов.

Кончились пески. Показался Чарджуй, схваченный желтой лентой огромной Аму-Дарьи...

БАЙРАМ-АЛИ.

Мы — в Байрам-Али, топчем невиданную пыль и проклинаем каждую байрам-алийскую курицу, которая способна подымать пыли больше, чем лошадь в ином городе.

Хлопко-маслянично-мыловаренный завод. Чье спокойное, как у атлета, дыхание покрывает все местечко, — здесь главное. Остальное — домишки, базары и бесконечная желчь глухой жизни — так себе, наслоения.

Здесь жизнь однообразна, как расписание работы наших клубов, тягуча, как ведомственный циркуляр, и пыльна, как может быть пыльной она только в Байрам-Али.

И от такой жизни, в минуты отдыха от обследования, ждем — когда-же можно снова начинать работу, чтобы не замечать все той-же пыли, покрывающей серым пеплом людей и хрустящей на зубах.

Но жизнь в пыли и песках, жизнь — работа лучше, чем позабави в самом чудесном саду. Человек, умеющий жить, видит в каждой волосинке жизни — стальной мост, смело шагает по нему и душа его полна силы.

Я люблю видеть жизнь, смотреть на ее радугу новыми глазами и по плечу ввинчивать в себя самые обыкновенные вещи.

Завод — это завод, но когда ты видишь, как в мощной гимнастике движутся новые — **наши** машины, как бережно обтирает их рабочий — член ЦК партии, как крепко заправляет огромным механизмом Завода узкоглазый директор — коммунист, со стажем чуть ли не с рождения христово, — тогда ты чувствуешь жизнь...

Я зашел однажды к часовщику, который по 12 часов в день гнет свое тощее, никому не нужное тело, над измызанным столиком. Он работал молча и лицо его было странно похоже на те щипцы, которыми он оперировал часы. Оно выражало усталость и было изношено и тупо.

И вдруг наверху, на полке старый порыжелый будильник зазвенел птичьей трелью. Как-будто капли

звонко стучали по ровной полосе воды. Эта песня очевидно, напоминала часовщику о жизни, о человеке... он запел что-то такое же грустное и ласковое, как перестуки будильника, с улыбкой уставившись в циферблат звенящих часов.

Это была чудесная мелодия проржавевших часов и изношенного человека — песня жизни.

И хочется переложить в слова эту неизвестную песню без слов:

«Я люблю жизнь во всех ее человеческих и естественных проявлениях»

В этой угрюмой дали я, как волк, одинок со своими мыслями и желаниями.

Самые сокровенные струны души моей сейчас звенят, разбуженные тоской по неизвестному. Как-будто кто-то настойчиво щиплет их знающей и мудрой рукой.

Мне хочется вылить из самой глубины звуки и мысли, которые зарождаются там, как туманности во вселенной.

Страдание, как вода, несет на груди своей пену новых мыслей и желаний.

Чувства мои — многорукий куст саксаула, голый и прихотливый, цепкий и сухой. Из ошалелой от зноя стени он умеет высасывать последнюю горечь влаги и смеется над бешены солнцем.

Из самых пустынных уголков жизни я достаю влагу ее, я пью ее и, оставаясь сухим, раскидываю новые желания.

Бьет топор времени по ним, но и топор становится сеятелем, когда, отшибая ветви, он раскрывает на них поры и дает этим новую жизнь»...

